

Министерство культуры АРК
КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
Институт археологии НАНУ
Крымский филиал Института востоковедения НАНУ им. А.Крымского
Таврический Национальный университет им. В. И. Вернадского

I
БАХЧИСАРАЙСКИЕ
НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ Е. В. ВЕЙМАРНА

г. Бахчисарай
КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
5–7 сентября 2012 г.

Тезисы докладов и сообщений

Бахчисарай
2012

*Издаются по решению Научно-методического совета
КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»*

Редакционная коллегия:

Айбабин А. И., профессор, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины

Герцен А. Г., доцент, кандидат исторических наук, декан исторического факультета ТНУ им. В. И. Вернадского

Науменко В. Е., доцент, кандидат исторических наук, Генеральный директор КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» — РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ

Сейдалиев Э. И., заместитель Генерального директора КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» по научной работе

Волошинов А. А., старший научный сотрудник Отдела охраны памятников КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» — ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.).

Содержание

<i>Айбабин А. И.</i> Крымская готия в конце VIII – XI вв.	5
<i>Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А.</i> Новые материалы к сфрагистической карте Крыма: моливдовул Иоанна Комнина из района мыса Сарыч.	6
<i>Алядинова Д. Ю.</i> Охранно-археологические исследования позднесредневекового христианского комплекса Кильсе-Баир.	9
<i>Бармина Н. И.</i> Сакральное пространство Мангупской базилики.	10
<i>Бейлин Д. В., Куликов А. В.</i> Поселение генуэзского времени на г. Опук (Опук X) (к археологической карте горы Опук)	13
<i>Беляева С. А., Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.</i> Основные результаты исследований Аккерманской крепости в 1999–2010 гг.	15
<i>Бобровский Т. А., Грек И. О.</i> О некоторых каппадокийских аналогиях скальным сооружениям Чуфут-Кале	16
<i>Бубенок О. Б.</i> Сведения епископа Феодора об аланских «выселках» в «Скифии и Сарматии»	18
<i>Бутягин А. М.</i> Раскопки мирмекийского зольника в 2008–2011 гг.	19
<i>Вдовиченко И. И.</i> Панафинейские амфоры из Херсонеса Таврического: новые находки и открытия	20
<i>Гарбуз И. А.</i> О Способе ношения клинкового оружия с боковыми вырезами у рукояти (по материалам памятников Центрального и Юго-Западного Крыма)	21
<i>Гарбузов Г. П.</i> Моделирование античной дорожной сети Таманского полуострова.	23
<i>Герцен А. Г., Науменко В. Е.</i> Три программы археологического изучения Мангупа.	24
<i>Денисова Е. А.</i> Железные ножи X – XIII вв. из Херсонеса.	25
<i>Днепровский Н. В.</i> Из археологического наследия Е. В. Веймарна: «Ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена.	27
<i>Душенко А. А.</i> Современный этап археологических исследований дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп).	28
<i>Кабачкова А. В.</i> Курительные трубки османского периода: историография вопроса	30
<i>Кашовская Н. В.</i> О времени появления иудейской общины на Мангупе	32
<i>Корзюк Д. В.</i> Октагональный храм Мангупского городища: анализ архитектурно-планировочного решения.	33
<i>Курьшева М. А.</i> Византинист М. А. Шангин — сотрудник Херсонесского музея в 1936–1937 гг.	37
<i>Куц Т. В.</i> Крымская метаморфоза Павла из Милана (XIV в.): опыт биографической реконструкции	38

<i>Левада М. Е., Михайлова Е. Р.</i> Браслет из могильника Заветное (к вопросу о контактах населения Крыма с лесной зоной Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов)	39
<i>Лесная Е. С.</i> Новые находки керамики ионийского типа в Херсонесе Таврическом	41
<i>Майко В. В.</i> К вопросу об археологических материалах второй половины X – XII вв. из Юго-Западного Крыма	43
<i>Масюта Д. А.</i> Два комплекса со светлоглиняными амфорами типа D из могильника Сувлу-Кая	45
<i>Моисеев Д. А.</i> Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты	46
<i>Мордвинцева В. И.</i> Некрополь как археологический источник по социальной структуре общества	48
<i>Мохов А. С.</i> К просопографии византийской Таврики в XI в.: Варда Дука	50
<i>Неневоля И. И., Волошинов А. А.</i> Охранные археологические исследования могильника у с. Предущельное	51
<i>Пономарев Л. Ю.</i> Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова	52
<i>Прохоров Д. А.</i> «Пещерный город» Чуфут-Кале в XIX – начале XX вв.	54
<i>Пуздровский А. Е.</i> Погребальный обряд захоронений гуннского времени Усть-Альминского некрополя	55
<i>Рогова Ю. К.</i> Позднеантичные и раннехристианские памятники из собрания М. С. Воронцова в коллекции Государственного Музея истории религии (Санкт-Петербург)..	57
<i>Сейдалиев Э. И.</i> История изучения оборонительных сооружений Солхата	58
<i>Степаненко В. П.</i> Некоторые вопросы истории Мангупа периода княжества Феодоро.	59
<i>Туровский Е. Я.</i> К вопросу об информационной ценности находок монет на археологических памятниках	61
<i>Филиппенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В.</i> Новые данные о могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму	63
<i>Флёров В. С.</i> Хазарский каганат: керамические строительные материалы крепостей Нижнего Дона	64
<i>Хайретдинова Э. А.</i> Серьги V – VII вв. с многогранником из Юго-Западного Крыма	66
<i>Хрушкова Л. Г.</i> Об одном международном проекте: биографический словарь христианской археологии	68
<i>Чхаидзе В. Н.</i> Нумизматика Тмутаракани XI в.	69
<i>Шаманаев А. В.</i> Охрана археологических памятников Мангупа в XVIII – начале XX в.	71
<i>Щавелев А. С.</i> Демонстрация предметов-гарантов клятвы в битвах (Proc. ВР. I. IV-9; ПВЛ, 6605; Georg. Асorp., I, 25)	72
<i>Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С.</i> «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «Славянский след»	73

А. И. Айбабин
(г. Симферополь)

КРЫМСКАЯ ГОТИЯ В КОНЦЕ VIII – XI вв.

Топоним Готия впервые появился в агиографических источниках IX в. В созданном между 815 и 842 гг. Житии святого Иоанна Готского, в рассказе об антихазарском восстании, случившемся между 785 и 787 гг., упомянуты господин Готии и архонты ее крепостей. В письме Федора Студита, относимом к 808 г., автор, негодую по поводу возвращения в клир эконома, венчавшего императора Константина VI со второй женой, писал о Готии и ее климатах. В житии Федора Студита, написанном после 868 г. монахом Михаилом, говорится о правителе Готии. В тексте XIV в. «Чудеса святого Евгения Трапезунтского» говорится о Херсоне и тамошних климатах Готии.

Приведенные свидетельства позволяют локализовать Готию в регионе, называвшемся с VI в. «Страной Дори». В Хронографии Никифора во второй половине VII в. примыкавший к Херсону район именовался климатами. Скорее всего, Климатами являлись административные районы Дори. Резиденции архонтов Климатов находились в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Бакла.

По словам Никифора, в 704 г. Юстиниан скрылся «... в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов». Вероятно, так регион стали называть после его подчинения хазарам. В первой половине того же столетия в стране готов была учреждена епархия Готии, включенная в Парижскую нотицию 1555а. Византийцы именовали правителя области господином Готии или «правителем народа Таврических климатов». Такие должности отсутствовали в официальном табеле о рангах.

В 841 г. Византия предприняла попытку вернуть свою администрацию в Готию. Летом этого года, по решению императора Феофила, была создана фема. В Тактиконе Успенского ее называли фемой Климатов. Константин Багрянородный помещал Климаты между Херсоном и Боспором.

Быть может, с организацией фемы связаны перестройка цитадели Баклы и обороны Мангупа, строительство новой крепости в долине р. Бельбек на высоком плато Сюйрень у села Малое Садовое.

Судя по опубликованной Н. А. Алексеенко печати конца X – начала XI вв. императорского спафария и турмарха Готии Льва, официально регион, также как и в VIII – IX вв., назывался Готией. Очевидно, после включения Готии в состав фемы Херсона византийцы сохранили её в качестве административной единицы — турмы фемы Херсона. Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп.

Н. А. Алексеенко, Ю. А. Цепков
(г. Севастополь)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СФРАГИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ КРЫМА: МОЛИВДОВУЛ ИОАННА КОМНИНА ИЗ РАЙОНА МЫСА САРЫЧ

Находки византийских печатей на территории Таврики известны давно и их происхождение, как правило, было связано с Херсоном. В то же время это далеко не единственное место, где находятся моливдовулы. Кроме Сугдеи, Боспора и Мангупа единичные находки печатей можно отметить не только в Юго-Западном Крыму, но и на южном побережье полуострова. Еще одним местом сегодня можно назвать район мыса Сарыч. Не так давно здесь была найдена печать одного из знатных византийских вельмож, известного по византийским письменным источникам.

На аверсе моливдовула представлена многофигурная композиция «Преображение Господне», а на реверсе — традиционная надпись с инвокативным обращением, которая гласит: «Господи, помоги твоему рабу Иоанну Комнину, сыну севастократора».

Исходя из представленной на печати легенды, моливдовул, по всей видимости, носит частный характер, так как не несет никаких служебных характеристик своего владельца. Некоторые особенности использованного шрифта (характерные начертания лунарной *омеги*, дифтонга *омикрон-упсилон* и *стигмы*) дают все основания отнести его к памятникам второй половины XI – начала XII столетия.

Для указанного периода из известных в источниках, в том числе в материалах сфрагистики, персонажей, относящихся к клану Комнинов, для

нас наиболее интересны двое: Иоанн Комнин, севаст и дука Диррахия (конец XI – начало XII вв.), и Иоанн Комнин, протосеваст и протовестиарий (вторая половина XII в.). Примечательно, что оба на своих печатях также помещали надпись — «сын севастократора».

Первый из них (род. в 1073 г.) являлся старшим сыном деспота Исаака, который после воцарения его брата Алексея I Комнина (1081–1118) был удостоен специально созданного для него титула севастократора. Другой (род. в 1126 г.) был сыном севастократора Андроника Комнина и приходился внуком императору Иоанну II Комнину (1118–1143), а также племянником Мануила I Комнина (1143–1180).

Решить проблему датировки и атрибуции печати, на наш взгляд, помогает представленное на ее лицевой стороне изображение.

Многофигурные композиции являются достаточно редким явлением для сфрагистических типов, используемых владельцами моливдовулов. Сцена Преображения Господне среди таковых наиболее редко встречается. Как правило, на печатях распространены Благовещение, Успение Богородицы, Крещение, Рождество и некоторые другие евангелистские сцены.

Примечательно, что эту сцену использует для своих моливдовулов только первый из рассматриваемых нами персонажей — дука Диррахия. Тогда как второй помещает на печати изображение св. Феодора Стратилата или двустороннюю надпись.

Совпадение сфрагистических типов и отсутствие на нашей находке высокопоставленных рангов дает нам основания отнести наш экземпляр к сыну севастократора Исаака, племяннику императора Алексея I Комнина, и соответственно датировать его в пределах 1081–1118 гг.

Более того, представленная на печати надпись, дает возможность даже несколько сузить эти хронологические рамки. Весной 1091/92 гг. Иоанн Комнин был назначен дукой Диррахия, где он сменил Иоанна Дуку, шурина императора Алексея I. Известны его печати, которые практически тождественны и отличаются от нашего моливдовула лишь добавлением в легенде оборотной стороны названия обретенной должности. Кроме того, известны письма архиепископа Феофилактоса к Иоанну, в которых иерей обращается к нему как к «севасту и претору (наместнику) Диррахия» или «севасту, киру (господину), сыну севастократора».

Отсутствие на нашей печати каких бы то ни было указаний на титулярную или административную принадлежность заставляет нас видеть

в данной находке одну из ранних личных печатей Иоанна, когда указание на родство с правящим домом являлось для него единственным и наивысшим признаком придворного величия.

Известно, что, находясь в Диррахии, Иоанн был обвинен в действиях против императора, но был прощен и сумел на какое-то время сохранить свою должность. Однако в 1106 г. на посту дуки Диррахия его все-таки сменил младший брат Алексей, а Иоанн был переведен с Адриатики на новое место — в Сербию, где он не имел должных связей и сторонников, и где император мог его не опасаться.

Возвращаясь к находке печати Иоанна Комнина в Крыму, следует отметить, что моливдовул является явным свидетельством существования определенных контактов византийского столичного нобилитета с местными аристократами или представителями местной администрации. В связи с этим обратим внимание на одну, на наш взгляд весьма примечательную деталь.

В генеалогическом древе, представленном в известном исследовании К. Варзоса (Varzos, 1984) указывается, что Иоанн родился от брака Исаака Комнина, брата Алексея I Комнина и Ирины Аланской, дочери правителя Алании. Здесь очевидно уместным будет вспомнить недавно появившуюся печать катепана Никифора Алана. Обе печати относятся к одному хронологическому периоду. И не исключено, что в нашем случае высокопоставленный византийский вельможа, приближенный ко двору, имевший по материнской линии родственные связи с аланским правящим домом, мог иметь тесные контакты с какими-то своими родственниками, обосновавшимися в Таврике. Учитывая направленность политики Алексея I и его интересы к Крыму и Тмутаракани появление такой корреспонденции не выглядит чем-то экстраординарным. Напротив, находки печатей катепана и одного из представителей правящей династии в Крыму лишний раз указывает на особый интерес византийской администрации на рубеже XI/XII вв. к этому важному стратегическому региону.

Таким образом, появление новых находок византийских печатей с точной локализацией их происхождения дает не только новую, ценную информацию, но и в значительной мере уточняет географию византийского присутствия в Таврике. Особый интерес в этом смысле приобретают находки, которые выявляют места, пока еще слабо освещенные другими видами источников или же вообще отсутствующие в таковых, что, в

свою очередь, позволит в будущем специалистам, историкам и археологам обратиться к исследованиям этих объектов и надеемся открыть еще не одну страницу нашей истории.

Д. Ю. Алядинова
(г. Симферополь)

ОХРАННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНСКОГО КОМПЛЕКСА КИЛЬСЕ-БАИР

В докладе представлены результаты археологических раскопок позднесредневекового христианского комплекса, расположенного в юго-восточной части с. Голубинка (бывшая Фоти-Сала; Автономная Республика Крым, Бахчисарайский район). Исследования, носившие охранный характер, проводились в 2001 и 2005 гг. на вершине почти десятиметрового холма, известного в современной топонимике как Кильсе-Баир («Церковный холм»).

Данный археологический объект был впервые выявлен еще в 1936 г. Н. И. Репниковым, отметившим здесь в своих знаменитых «Материалах к археологической карте Юго-Западного Крыма» следы фундамента разобранного храма и рядом две вскрытые могилы XIII – XVI вв. В 2001 и 2005 гг. в процессе раскопок памятника удалось исследовать 43 погребальных сооружения и руины одноапсидного храма.

Обнаруженные захоронения представлены тремя погребальными конструкциями — грунтовыми могилами, плитовыми могилами и костницами. Большинство погребений являются безынвентарными, однако, имеющаяся, пусть и небольшая, коллекция находок из погребений позволяет датировать их в пределах второй половины XIV – XVIII вв. Верхняя дата, скорее всего, соотносится с событиями 1778 г. — переселением христианского населения Крымского полуострова в Приазовье, хотя ни в одном из имеющихся письменных источников не сохранилось сведений о выходе христиан из д. Фоти-Сала.

Говоря об особенностях конструкции храма, следует отметить, что подобный тип культового сооружения характерен для поздневизантийского периода, и находит многочисленные аналогии среди памятников Крыма XIV – XV вв. Его гибель, вероятнее всего, связывается с турецкой

экспансией 1475 г., в результате которой все земли княжества Феодоро вошли в состав Мангупского кадылыка Османской империи.

После разрушения церковь более не восстанавливалась. Однако, проживавшее здесь православное население продолжало использовать территорию холма в качестве кладбища, о чем, вероятно, и свидетельствует закрепление за ним топонима «Кильсе-Баир».

Н. И. Бармина
(г. Екатеринбург)

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

В 1967 г., по инициативе Е. В. Веймарна, на базе Бахчисарайского историко-археологического музея и Симферопольского педагогического института была создана Мангупская археологическая экспедиция. Работая тогда в музее, впервые я познакомилась с удивительным памятником — Мангупской базиликой. Я благодарна Е. В. Веймарну за этот подарок, в дальнейшем определивший вектор моего научного поиска.

До сих пор культура средневекового Мангупа, чаще всего, выступает в качестве объекта историко-археологических исследований и еще слабо изучена с культурологической точки зрения.

Обращаясь к ней, важно учитывать, что генезис и развитие культуры средневековой Таврики детерминированы взаимодействиями культур различной продолжительности, направленности и силы. Проблема взаимодействия последних — одна из наиболее актуальных в современной теоретической и прикладной культурологии. Диалог культур, их взаимодействие, пересечение, встреча смыслов, определяет характерные черты различных национальных и исторических типов культуры. Приходившие на крымскую территорию народы далеко не сразу ассимилировались с местным полиэтничным населением.

Культура жителей Мангупа не была однородной. В ходе анализа археологических памятников городища следует выявлять типичные и особые черты, наиболее полно выражающие специфику синтеза культур.

В ранневизантийскую эпоху, когда империя стремилась сохранить свои форпосты в Северном Причерноморье, ее культурное участие в развитии региона было достаточно выразительным, что хорошо видно

на примере строительства оборонительных сооружений и христианских базилик. В конце VII в. внешнеполитическая ситуация резко изменилась. В Крым и на Мангуп вновь хлынули мощным потоком варварские народы, которые христианскую культуру не уничтожили полностью, но применили ее к своим нуждам.

Одним из ярких примеров такого рода культурного взаимодействия выступает Мангупская базилика. В период существования Херсонодорантской церковной епархии здесь на месте будущего базиликального комплекса строится однефный храм и крещальня. С приходом хазар были отчасти модифицированы этноконфессиональные ритуалы (появление обряда обезвреживания при раскопках погребений). Вместе с тем, процесс утверждения христианства не был остановлен, о чем свидетельствуют возведение нового однефного северо-восточного храма и перестройка старой крещальни.

В конце XIII – начале XIV вв. Готская епархия получает статус митрополии. Благодаря этому на Мангупе формируется большой базиликальный ансамбль. Храм возникает на руинах прежнего культового сооружения, превращенного в центральный неф базилики, к которому с запада пристраивается нартекс, с севера и юга — боковые нефы и галереи, оформляется алтарная часть. Фундаменты боковых стен раннего храма были использованы для устройства стилобата. Вновь созданное сооружение отличалось большими размерами (28 м x 32,5 м), что позволяло вместить множество неофитов.

В качестве крещальни был использован северо-восточный храм. Меняется конфигурация центральной апсиды: над ранней полукруглой апсидой строится трёхгранная. Возможно, чуть позднее базилика сокращается в своих размерах: отпадают галереи, видоизменяется внутреннее алтарное пространство — появляется трёхступенчатый синтрон, плитовая солея и амвон, выдвинутый почти на середину центрального нефа.

В 1381 г. войска Золотой Орды во главе с Тохтамышем окружили Мангупскую крепость. Осажденные, ослабленные сражениями и голодом, вынуждены были сдать свой город. Он был разграблен, большинство его защитников и жителей физически уничтожены.

Базилика, очевидно, значительно пострадала в ходе этой осады. Вся северная часть храмового комплекса была разрушена и превратилась в кладбище. Среди погребений, открытых в процессе раскопок в цен-

тральном нефе базилики особенно выделяется погребения № 481 (женское) и № 482 (мужское, возраст — 16–17 лет). Анализ обнаруженного поясного набора (М. Г. Крамаровский), показывает, что он был изготовлен в 30–50 гг. XIV в. в Солхате, имевшим в это время тесные связи с исламской частью Малой Азии.

В начале XV в., при князе Алексее (1403 (?) – 1444), начинается новый этап истории Мангупской базилики. На месте огромного комплекса, в его южном нефе, возникает небольшой однефный храм, отделенный от центрального нефа, в значительной степени, глухой стеной. Последняя протянулась от восточного пилястра в западном направлении. Старый стилобат вместе с базами в виде крупных блоков был использован в качестве основания под каменные восьмигранные столбы. Такое разграничение пространства, вероятно, было обусловлено необходимостью посещать центральный неф для поминания находившихся здесь усопших. Тогда же в восточной части южного нефа базилики появилась апсида, кладка которой указывала на ее вторичное использование.

Внешняя стена южного нефа в своей западной и центральной части была облицована прямоугольными (30 x 65 см) плитами из местного известняка. Центральный вход в базилику с запада перенесен в южную стену. Новый порог украшается резными наличниками в виде «сельджукской цепи» и плетенки.

Одна из надписей, обнаруженная Р. Х. Лепером на Мангупе в 1912 г., сообщает о постройке башни и дворца в октябре 6934 г. (1425 г.). Другая надпись информирует о сооружении храма в честь равноапостольных Константина и Елены в 6936 г. (1427 г.). Данная плита, скорее всего, находилась над резным наличником южного входа в базилику.

В результате перестройки 1425–1427 гг. полностью видоизменился архитектурный облик базилики. Вместо величественного собора, некогда центра Готской епархии, на месте южного нефа появилась часовня правителя княжества Феодоро.

Таким образом, изучение сакрального пространства Мангупской базилики нацеливает на выявление специфики взаимовлияния традиций культур местных и пришлых этносов, особенностей изменений, обусловленных естественным развитием субкультур, глубиной и временными рамками их контактов между собой и с внешней средой.

Д. В. Бейлин, А. В. Куликов
(г. Керчь)

ПОСЕЛЕНИЕ ГЕНУЭЗСКОГО ВРЕМЕНИ

НА г. ОПУК (ОПУК X)

(к археологической карте горы Опук)

В 2011 г. Крымским филиалом Института археологии НАН Украины были возобновлены археологические исследования горы Опук, прервавшиеся по причине трагической смерти В. К. Голенко во время экспедиции 2007 г. Большим достижением В. К. Голенко и его коллег стало образование в 1991 г. Опукского заповедника, в структуре которого, наряду с природными объектами, заняли достойное место памятники археологии. В 2009 и 2010 г. район г. Опук эпизодически исследовался экспедицией средневекового отдела Крымского филиала ИА НАНУ под руководством С. Г. Бочарова в поисках памятников XI – XII и XIII – XV вв., которые обозначены на средневековых картах-портоланах. Проведенные сборы и шурфовки дали отдельные материалы этой эпохи, однако, локализовать поселения так и не удалось.

В июле-августе 2011 г. возрожденная Южно-Боспорская экспедиция КФ ИА НАНУ провела крупную разведочную кампанию на горе Опук. По-существу, была произведена попытка ревизии всех известных данных по исторической топографии района. Помимо памятников, относящихся к эпохе бронзы и античности, были выявлены и нанесены на археологическую карту района объекты генуэзского периода.

Так, при обследовании скалистого гребня, расположенного западнее дороги к пограничному посту, в наивысшей части его южной оконечности, были обследованы остатки прямоугольной постройки размерами 3,2 × 3,2 м, ширина стен которой достигала 1,0 м, при сохранившейся высоте до 0,65 м. Вероятнее всего, сооружение представляло собой дозорно-сигнальный пункт (башня), которое вполне могло выполнять и роль маяка. Западнее, ниже по склону, практически у подножья башни, в компактной седловине был выявлен золистый слой, содержащий обломки стенок оранжевоглиняных рифленых амфор с грушевидным туловом XIII – XV вв. Здесь же зафиксированы фрагменты каменных стен, сложенных из подтесанных камней и пристроенных к двум скальным останцам.

К северо-западу от выявленных строительных остатков отчетливо прослеживается дорога, которая, следуя рельефу, спускается в долину, образующую западный склон горы Опук, хорошо защищенную от господствующих северных и северо-восточных ветров. Такой же участок дороги зафиксирован нами в северной части скалистого хребта, на котором расположен дозорно-сигнальный (маячный) пункт. Судя по всему, дороги связывали поселение, расположенное на террасах и у подножья западного склона Опука. Остатки поселения XIII – XV вв. фиксируются в виде развалов каменных построек, преимущественно прямоугольных очертаний, расположенных у скалистых выходов и на естественных террасах. Однако, следует отметить и то, что подъемный материал генуэзского времени обнаружен нами не на всей территории западного склона, а лишь в его нижней части.

Наибольшее скопление фрагментов столовых и тарных сосудов зафиксирован нами на вершине и склонах небольшого холма, на котором сейчас установлен памятник погибшим советским солдатам. Также отметим и то, что подобная керамика фиксируется вдоль трассы мощной каменной стены, которая, следуя рельефу западного склона г. Опук, отчетливо прослеживается практически на всем своем протяжении. Большое скопление обломков описанных выше амфор и других сосудов было зафиксировано в районе остатков прямоугольной в плане башни, расположенной в центральной части нижнего участка оборонительной стены. Культурный слой на поселении фиксируется лишь в виде отдельных небольших пятен золистого грунта.

В 0,7 км к северо-востоку от поселения располагается выявленный нами участок некрополя (Опук XI). С уровня современной дневной поверхности отчетливо прослеживаются контуры могил, выложенные по периметру каменным бутом. Могилы имеют рядность и ориентированы в направлении запад — восток. В пределах данного участка некрополя обнаружены фрагменты амфор с грушевидным туловом и дугообразными ручками, датируемые XIII – XV вв.

Таким образом, в процессе разведок было локализовано месторасположение поселения генуэзского времени на западном склоне горы Опук, обозначенное на картах-портоланах, и принадлежащий ему некрополь. Однако, это лишь предварительная информация, полученная в процессе археологических разведок. Для получения более детального представления о памятнике, его границах, стратиграфии и хронологии необходимо проведение серии шурфовок и раскопок.

С. А. Беляева, Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко
(г. Киев)

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ АККЕРМАНСКОЙ КРЕПОСТИ В 1999–2010 гг.

История Аккерманской крепости охватывает значительный хронологический период, в течение которого происходили важные изменения в развитии фортификации, оружия, военной техники, а соответственно и военной стратегии. Несмотря на многолетние историко-археологические исследования крепости, остаются еще неизвестными многие страницы ее истории и не понятыми архитектурные элементы. В этой связи комплексное изучение Аккерманской крепости, проводившееся в 1999–2010 гг. Международной экспедицией Института археологии НАН Украины с участием ученых Великобритании, Канады, США, Турции позволило получить принципиально новые научные результаты.

Благодаря использованию современных методов неразрушающей археологии с применением геофизического оборудования, в том числе георадара, внесены уточнения в планировочную структуру крепости. Кроме того, впервые сделана компьютерная модель крепости.

Применение фотограмметрии в изучении строительных конструкций и уточнение их возраста с помощью дендрохронологии положили начало новым подходам к исследованию строительных этапов сооружения и перестройки крепости. Существенные уточнения в строительную историю крепости внесли результаты петрографических исследований растворов и строительных материалов.

Первые обследованы конструкция и размеры рва, открыта башня, отмеченная на ряде планов XVIII – XIX в.

Впервые предприняты планомерные археологические исследования сооружений Нижнего двора крепости: береговых куртин с барбаканом и турецкой баней. В результате установлены время их возведения и основные этапы развития и реконструкции.

Работа с архивными документами и картами способствовала уточнению функциональной принадлежности и идентификации ряда объектов Аккермана.

Коллекция новых артефактов различных хронологических периодов существенно расширила представления о золотоордынском, молдавском

и османском периодах существования Аккермана, его роли в системе форпостов пограничья Османской империи и Украины.

Т. А. Бобровский, И. О. Грек
(г. Киев – г. Одесса)

О НЕКОТОРЫХ КАППАДОКИЙСКИХ АНАЛОГИЯХ СКАЛЬНЫМ СООРУЖЕНИЯМ ЧУФУТ-КАЛЕ

Каппадокийские аналогии скальным сооружениям Юго-Западного Крыма неоднократно рассматривались исследователями, однако, только применительно к пещерным церквям. В этой работе внимание уделено некоторым объектам Чуфут-Кале, традиционно относимым к сооружениям оборонительного либо хозяйственного назначения.

В частности, в пределах Чуфут-Кале фиксируется несколько скальных сооружений в виде небольших камер или отсеков, открывающихся в сторону обрыва двумя округлыми отверстиями — в верхней части стены и на уровне пола. Нижние отверстия, как правило, окаймлены небольшими боковыми уступами, что позволяет, без сомнения, интерпретировать данные сооружения в качестве уборных.

Два таких сооружения расположены на входе в т. н. «Тюремный каземат» и имеют прямые аналогии в целом ряде скальных комплексов Каппадокии (в устье долины Кызыл-Чукур, в Татларине и Гельвери). При этом, в отличие от каппадокийских, уборные Чуфут-Кале парны и снабжены вырубленными в скале желобами-водоводами для организации смыва. Вероятно, аналогичное устройство имела еще одна пара разрушенных сооружений, расположенная на кромке обрыва Чуфут-Кале, непосредственно над пещерными помещениями Чауш-Кобасы. Связанные с уборными водоводы были проложены вдоль трассы одной из поперечных улиц Нового города и частично уничтожены участком т. н. Большого рва. Это свидетельствует о том, что уборные возникли в период распланировки территории Нового города, а Большой ров был вырублен несколько позже.

Заметим, что уборные подобного типа в каппадокийских комплексах фигурируют лишь в составе скальных убежищ, отмечающих позднейший этап развития пещерных сооружений и датирующихся ориентировочно в пределах XIII – XIV вв. Эта датировка вполне согласуется с историко-градостроительным контекстом существования упомянутых

чуфут-кальских уборных, которые неизвестны за пределами Нового города и расположены в торцах городских улиц. Возможно, они носили общественный характер.

Определенная родственность между скальными сооружениями Чуфут-Кале и Каппадокии проявляется также в специфических следах вырубок, фиксируемых на стенах ряда пещерных помещений. Их следы свидетельствуют о технологии изготовления пещерных помещений и представляют собой углубленные в скалу желобообразные вертикальные полосы, располагающиеся на расстоянии от 40 до 80 см друг от друга. Такие вырубки характерны для выемки скальной породы путем отделения цельных каменных блоков. То есть создатели помещений ставили перед собой задачу не только вырубки подземной полости, но также и попутной добычи камня в виде прямоугольных квадров. Можно предположить, что эти квадры предназначались для наземного строительства, а соответственно вырубаемые по данной технологии пещерные сооружения одновременно играли роль каменоломен.

Следы попутной, подземной, добычи камня фиксируются и в некоторых искусственных пещерах Каппадокии, в частности в сооружениях убежищ в Чанлы-Килисе и долине Земи. Важно отметить, что наряду с этим в Каппадокии также была распространена практика карьерной добычи строительного камня. В частности, роль таких карьеров нередко играли т. н. скальные двory (например, в Чанлы-Килисе и Ачик-Сарае), образующие сердцевину целого ряда пещерных комплексов. В Юго-Западном Крыму такие комплексы неизвестны, однако, обращают на себя внимание скальные рвы вдоль Средней стены Чуфут-Кале, которые, вероятно, играли роль подобных каменоломен. Как и в упомянутых каппадокийских памятниках, скальные стены этих выработок позднее были использованы для создания входов в пещерные помещения.

Таким образом, прослеженные нами аналогии между некоторыми скальными сооружениями Чуфут-кале и Каппадокии позволяют отметить отчетливое влияние некоторых каппадокийских традиций по обработке и использованию скальных массивов в византийский и поствизантийский периоды на крымские пещерные комплексы. Дальнейшая разработка этого вопроса представляется чрезвычайно перспективной для изучения историко-культурных процессов на территории средневековой Таврики.

О. Б. Бубенок
(г. Киев)

**СВЕДЕНИЯ ЕПИСКОПА ФЕОДОРА
ОБ АЛАНСКИХ «ВЫСЕЛКАХ»
В «СКИФИИ И САРМАТИИ»**

Епископ Феодор, посетивший после 1222 г. земли крымских и северокавказских алан, в своем «Аланском послании» оставил один интересный пассаж об аланах: «Племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Ивериян, древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию». Исследователь и переводчик источника Ю. А. Кулаковский так и не смог определить, к какому времени относится данное событие.

Сам анализ содержания текста «Послания» говорит в пользу того, что речь идет о переселениях алан именно с Северного Кавказа в пределы «Скифии и Сарматии», под которыми следует подразумевать, прежде всего, степные пространства Восточной Европы. В хазарский период такие переселения не могли носить добровольный характер. Стало быть, это могло иметь место во второй половине X – начале XIII вв., когда наметился расцвет северокавказской Алании. Об аланском населении в поселениях степной части Восточной Европы до прихода монголов сообщали Г. Рубрук (г. Суммеркент), И. Барбаро (г. Тана) и др. Поэтому большое значение может иметь культурная атрибуция этих аланских переселенцев.

Погребальный обряд в христианской Алании был весьма разнообразен. На Змейском могильнике еще преобладали катакомбы. Возле городища Верхний Джулат уже хоронили по христианскому обряду в деревянных гробах. Возле городища Нижний Архыз стали погребать в это время аналогичным образом, но в каменных ящиках. Последний обряд интересен тем, что в XI – XII вв. он имел распространение на могильниках близ некоторых стационарных поселений в степной части Восточной Европы — городище Белая Вежа на Нижнем Дону, о. Кизлевый и с. Ясиноватое в Нижнем Поднепровье. В результате, создается впечатление, что мы имеем дело с миграциями населения Алании, которое было

связано с торговой деятельностью, о чем неоднократно в XIII в. свидетельствовали мусульманские и европейские авторы.

А. М. Бутягин
(г. Санкт-Петербург)

РАСКОПКИ МИРМЕКИЙСКОГО ЗОЛЬНИКА

в 2008–2011 гг.

В 2008 г. Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа приступила к исследованию сохранившейся части зольника 2, известного по работам экспедиции В. Ф. Гайдукевича в 1960-х гг. В то время данная часть зольника не была затронута раскопками из-за сильных разрушений военного времени. В настоящее время почти по всему участку отряд экспедиции достиг уровня пола зольника, что позволяет говорить в целом о завершении раскопок комплекса.

В результате работ удалось обнаружить каменную обкладку зольника с западной стороны (она отделяла его от городской улицы), а также часть уникальной для Мирмекия сырцово-каменной стены, которая ограничивала зольник с юга. Общая площадь исследованного зольника составила около 200 м², при том, что на определенном этапе его слои пересыпались через западную стену и его площадь возросла до 230–250 м². Кроме того, около ¼ площади объекта было уничтожено при строительстве укрытия военного времени и подъезда к нему, однако, эти полости были засыпаны слоем зольника. Общая мощность культурного слоя составила 3,1–3,4 м. На его вершине отмечены слабые следы хозяйственных построек римского времени.

Мирмекийский зольник состоял из слоев серого суглинка со значительным содержанием золы, чередовавшихся с прослойками чистого пепла, желтого суглинка, вкраплениями угля и обломков печины. Характерным признаком является большая примесь обломков раковин мидий. Из конструкций здесь представлены только немногочисленные ямы и вкопанные амфоры, фрагменты разрушенных очагов, вероятно, были принесены извне.

Из культурного слоя происходят многочисленные находки. Количество найденных фрагментов керамики превышает 350 000 единиц, кроме того, найдены сотни монет, фрагментов костяных и металлических предметов, терракот. Не смотря на многочисленные фрагменты

керамических обломков с граффити, немногие из них могут быть связаны с культовыми практиками. В целом, время существования зольника охватывало период III – II вв. до н. э.

И. И. Вдовиченко
(г. Симферополь)

ПАНАФИНЕЙСКИЕ АМФОРЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: НОВЫЕ НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

Чернофигурные панафинейские амфоры, являвшиеся одним из главных призов для победителей Панафинейских состязаний, производились в большом количестве в Афинах каждые четыре года, поскольку во время праздника победителям вручалось 1200 амфор-призов, расписанных лучшими вазами.

В последнее время обсуждается вопрос о причинах и путях появления в Северном Причерноморье этих ваз, связанных с панафинейскими празднествами и шире, с культом Афины. Всего сейчас известно 18 целых и фрагментированных призовых амфор, поступавших в регион в течение довольно длительного времени — с конца VI в. и до рубежа III – II вв. до н. э. Если ранее безусловным лидером по количеству находок была территория Боспорского царства, то теперь, после тщательного изучения фондовых материалов Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и С. Г. Рыжова), возможно говорить о том, что в IV в. до н. э. панафинейские амфоры поступали и в это античное государство.

Как уже говорилось, обломки панафинейских ваз происходят из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический». 16 фрагментов были найдены во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. на городище, вдоль береговой оборонительной стены, между складом древностей и раскопом 1901 г. Однако Косцюшко-Валюжинич не смог определить их типологическую принадлежность. Лучшие из них он передал на хранение в Эрмитаж (инв. №№ X.1903.132–135). Некоторые фрагменты соединились. Они принадлежали четырем сосудам, которые можно отнести к двум хронологическим группам — серии Никократа (333–322 гг. до н. э.) и серии Никомаха из архонства Кефисодота (323–322 гг. до н. э.). Судя по остаткам росписи с изображением атлетов, которая характерна для оборотной стороны панафиней-

ских амфор, это были призы за победу в соревнованиях в беге, метании диска и борьбе.

В 2002 г. во время раскопок С. Г. Рыжова в IX квартале Северного района Херсонеса, был обнаружен еще один фрагмент панафинейской амфоры. На этот раз перед нами лицевая сторона. Изображение Афины похоже на изображение на амфорах К1 и К6 из Эретрии, где у богини копье также нанесено белой накладной краской. П. Валаванис относит эти амфоры к числу работ мастера Афины 12592 и датирует 360–359 гг.

Таким образом, фрагменты панафинейских амфор из Херсонеса относятся к трем хронологическим группам. Это говорит о традиционном и неоднократном участии херсонеситов в этом панэллинском состязании, высоком уровне их физической подготовки, а также подтверждает тесные культурные и экономические связи города с Афинами в середине – второй половине IV в. до н. э.

И. А. Гарбуз

(г. Санкт-Петербург)

**О СПОСОБЕ НОШЕНИЯ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ
С БОКОВЫМИ ВЫРЕЗАМИ У РУКОЯТИ
(По материалам памятников Центрального
и Юго-Западного крыма)**

В последнее десятилетие внимание исследователей позднеантичных и раннесредневековых памятников Северного Причерноморья привлекают мечи и кинжалы с боковыми вырезами у пяты клинка (Тип 5 по классификации А. М. Хазанова). Собраны каталоги по основным регионам распространения мечей этого типа (V. Sourpault; Б. В. Магомедов, М. Е. Левада; Э. Иштванович, В. Кульчар; А. В. Симоненко). Одновременно появились новые представительные находки, происходящие из Крыма (И. Н. Храпунов), позволяющие по-новому взглянуть на проблему ношения клинкового оружия этого типа.

О назначении вырезов на клинках ведётся оживлённая дискуссия (И. Н. Храпунов; А. В. Симоненко), которую можно свести к четырём основным точкам зрения:

1. Вырезы служили для фиксации гарды из органических материалов (М. Б. Щукин);

2. Вырезы служили для захвата клинка противника в бою (В. Л. Мыщ, А. В. Лысенко, М. Б. Щукин, О. В. Шаров);

3. Вырезы использовались для крепления деревянного древка. Таким образом, перед нами не клинковое оружие, а древковое, некое подобие «алебарды» (Р. Б. Схатум);

4. Вырезы служили для крепления деревянных обкладок ручки меча с помощью органической обмотки, которая пропусклась через них специальным образом (М. Е. Левада; Б. Контны, О. Я. Савеля, А. В. Симоненко), при этом обмотка в некоторых случаях могла накладываться непосредственно на металлическую рукоять (И. Н. Храпунов). Последняя версия, на мой взгляд — самое логичное, на сегодняшний день, объяснение наличия вырезов на клинке.

Интересна одна деталь — мечи с боковыми вырезами имеют короткий широкий клинок (длина 20–55 см, ширина 3–4 см), и, как правило, расположены в могилах остриём вверх в районе плечевых суставов (попарно), на уровне черепа, в верхней части вдоль скелета. При этом мечи и кинжалы этого типа в некоторых случаях встречаются в могиле вместе с длинными мечами без вырезов, расположенными вдоль погребённых (Озёрное III, склеп № 2, Нейзац, могила № 4). Не исключено, что такое расположение отражает необычный для позднеантичной и раннесредневековой эпох способ ношения этого оружия: на груди, несколько наискось от правого плеча к левой руке, рукоятью вниз. Это позволяет молниеносно выхватывать клинковое оружие рывком книзу, что практикуется вплоть до наших дней в специальных военных подразделениях при использовании боевых ножей. Тогда находит объяснение и небольшая длина клинков этого типа — длинный меч носить на груди рукоятью вниз невозможно. Безусловно, это предположение не отвергает идею о традиционном ношении мечей и кинжалов с боковыми вырезами, как впрочем, и не объясняет назначение самих вырезов на клинке.

Как бы там ни было, появление вспомогательного короткого клинкового оружия нового типа действительно может свидетельствовать о возрастании в позднеантичное время роли индивидуального рукопашного боя в военном деле причерноморских варваров (М. Б. Щукин) и появлении в их среде «сверхвооружённых» воинов-профессионалов в связи с активизацией военных контактов между северо-европейскими и причерноморскими племенами.

Г. П. Гарбузов
(г. Ростов-на-Дону)

МОДЕЛИРОВАНИЕ АНТИЧНОЙ ДОРОЖНОЙ СЕТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В античное время на Таманском полуострове существовала развитая поселенческая система, включающая несколько городских центров и большое количество сельских поселений. Всего на относительно небольшой площади полуострова известно более 250 сельских поселений VI в. до н. э. – IV в. н. э. Сельские поселения представлены памятниками разных типов и рангов, от небольших усадеб до обширных поселений, размеры которых (по распространению керамики) составляют десятки гектаров. Поселенческая система была связана воедино разветвленной сетью дорог, отдельные следы которой в виде протяженных дорог-ложбин заметны в современном рельефе местности и на аэро- или космоснимках. Кроме того, наличие здесь дорог засвидетельствовано античными эпиграфическими памятниками.

Конфигурация любой дорожной сети непосредственно зависит от особенностей ландшафта, в частности, от рельефа местности. В рамках геоинформационных систем (ГИС) разработаны технологии, позволяющие моделировать наиболее экономичные с точки зрения энергетических затрат пути передвижения. Подобный подход вполне применим в археологических исследованиях, ориентированных на анализ систем расселения. Можно предположить, что в естественно развивающейся поселенческой системе маршруты с минимальными затратами энергии образовывали со временем устойчивую сеть дорог.

Для Таманского полуострова в основе моделирования оптимальных путей передвижения лежит информация о современном рельефе местности (рельеф Таманского полуострова характеризуется наличием вытянутых гряд пологих возвышенностей, разделенных широкими долинами, с перепадами высот до ста и более метров) и расположении античных поселений. В алгоритмах расчета существенную роль играет вид кривой энергопотребления при движении по склонам возвышенностей. В случае довольно пологого рельефа Таманского полуострова сложности создает малая информативность известных из экспериментальных медико-биологических работ кривых энергопотребления, по-

строенных в опытах со значительными вариациями крутизны склонов. Особые требования возникают и к точности используемой для описания такого пологого рельефа цифровой модели рельефа (ЦМР).

В предварительной эскизной модели античной дорожной сети Таманского полуострова, рассчитанной инструментами ГИС ArcGIS, использована общедоступная ЦМР типа SRTM и сознательно упрощенная кривая энергозатрат пешехода. В модели найдены оптимальные пути, соединяющие между собой античные поселения (включая известные полисы) архаического и классического периодов. Показано, что, во-первых, сохранившиеся следы древних дорог хорошо соответствуют расчетным путям (предсказуемые сложности наблюдаются на выположенных равнинных участках, где погрешности использованной ЦМР слишком сильно влияют на результат моделирования), и, во-вторых, моделирование может быть способом изучения поселенческой системы — как ее эволюции, например, при рассмотрении расположения поздних памятников во взаимоотношении с коммуникациями, связывающими более ранние поселения, так и ее пространственного устройства, например, при определении зон влияния тех или иных античных полисов.

А. Г. Герцен, В. Е. Науменко
(г. Симферополь – г. Бахчисарай)

ТРИ ПРОГРАММЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА

1. Первая программа изучения Мангупа была сформулирована и частично реализована Ф. А. Брауном, который в 1890 г. провел раскопки в нескольких местах городища. В ходе этих работ открыты базилика в центральной части Мангупского плато и октагональный храм на территории цитадели. Несмотря на ограниченный срок исследований, в целом правильно была определена историческая топография поселения, хотя их главная цель — поиски следов готов, оказалась не достигнутой.

2. В 1912 г. к масштабным исследованиям приступил директор Херсонесского музея Р. Х. Лепер. Хотя у нас нет документального обоснования их программы, но, судя по избранным участкам работ, планировались раскопки всех наиболее выразительных архитектурно-

археологических памятников городища. Были продолжены раскопки базилики и октагона, открыт княжеский дворец, начаты исследования здания цитадели, церквей св. Георгия и св. Константина, синагоги-кенасы, некрополя в Табана-дере. Эта обширная программа, несомненно, рассчитывалась на длительный срок, но ее реализация была прервана с началом Первой мировой войны. Незавершенность работ, и как результат разрушение затронутых памятников, вызвали резкую критику со стороны А. Л. Бертье-Делагарда и Н. И. Репникова. Продолжением данной программы были исследования экспедицией ГАИМК в 1938 г. базилики и дворца. Через 30 лет Е. В. Веймарн попытался завершить изучение этих памятников.

3. Новая программа исследований формируется во 2-й пол. 70-х гг. XX в. Открытие неизвестных звеньев обороны изменило представления о масштабах поселения и периодизации его истории. Стали известны раннесредневековые могильники на склонах плато, проведены стратиграфические исследования под мысом Тешкли-бурун и в Табана-дере, поставлена задача доследовать памятники, затронутые предшественниками. К настоящему времени можно считать завершенным исследование церкви св. Константина и синагоги-кенасы. В основном раскрыты базилика и комплекс дворца в пределах застройки XV в., но выяснилась необходимость изучения их периферии.

4. В настоящий момент, назрела необходимость разработать новую программу, в которой приоритетными станут охрана и консервация памятников Мангуца, а также публикация материалов исследований.

Е. А. Денисова
(г. Севастополь)

ЖЕЛЕЗНЫЕ НОЖИ X – XIII вв. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Наиболее многочисленную группу орудий труда, изготовленных из черных металлов, составляют ножи. В Херсонесе эта группа находок представлена достаточно широко, но ранее специально не изучалась. Предметом нашего исследования стал материал из раскопок Херсонеса, большинство из которого происходит из слоев X – XIII вв.

Для типологического анализа было отобрано 85 ножей, из которых 55 экземпляров лучшей сохранности были использованы при создании

классификации. По внешним признакам орудия интересующего нас периода были разделены на четыре группы. За исходный признак принята форма самого клинка и способ его соединения с черенком.

Тип I. Первая типологическая группа включает ножи, у которых линия кромки спинки клинка плавно переходит в черенок, со стороны режущей кромки черенок отделен уступом; черенок короткий, скругленный на конце, или длинный, в форме узкого треугольника. Клинок вместе с черенком имеет длину от 6 до 13 см, ширина от 1,5 до 2 см. Ножи с единой линией черенка и спинки клинка встречаются в материалах Восточной Европы с VIII по XII вв. В Херсонесе этот тип ножей наиболее распространен в слоях X – XI вв., несколько экземпляров обнаружено в слое XIII в.

Тип II. Спинка ножа прямая, немного приподнята к острию; клинок отделен от черенка уступами, чаще всего асимметричными относительно друг друга и образующими со спинкой и режущей кромкой тупые углы; режущая кромка слегка S-образной формы: у конца загибается вверх; черенок в форме узкого треугольника, отношение длины клинка к длине черенка 3:1. Клинок вместе с черенком у рассмотренных экземпляров имеет длину от 10 до 17 см. В Херсонесе орудия данного типа встречены в слоях X – XI вв.

Тип III. В третью типологическую группу объединены ножи, имеющие следующие характерные признаки: спинка прямая, слегка приспущена к острию; на конце лезвие немного закруглено, придавая ножу кинжалобразный вид; уступ у ножей небольшой; черенок в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа, отношение длины клинка к длине черенка указать трудно, т. к. черенок этой группы ножей полностью не сохранился; длина клинка от 10 до 17 см, при ширине от 2 до 3 см. Один из ведущих признаков этой группы — толстая спинка ножа: у отдельных экземпляров толщина спинки достигает до 8 мм. Орудия этого типа бытовали в странах Северной и Восточной Европы с IX по XI вв.

Тип IV. Ножи четвертого типа имеют тонкий узкий клинок, в сечении представляющий собой сильно уплощенный клин, переходящий уступами в овальный в сечении, уплощенный, короткий черенок; спинка клинка прямая. По характеру соединения черенка с клинком ножи этого типа сходны с орудиями третьего типа, но отличаются иными пропорциями: тонким клинком, длиной до 10 см, и коротким черенком. В Херсонесе орудия этой группы выявлены в слоях XII – XIII вв.

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о том, что довольно распространенной формой в Херсонесе в X – XI вв. были ножи первого типа; в XII – XIII вв. характерны образцы, представленные одним (четвертым) типом. Все их можно отнести к орудиям универсально-хозяйственного назначения.

Отдельную группу составляют ножи специального назначения, в Херсонесе она представлена единичными экземплярами: нож для разрезания пергамента, сапожный нож, виноградный нож.

Н. В. Днепровский
(г. Санкт-Петербург)

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е. В. ВЕЙМАРНА: «РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС»

НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Данная работа посвящена культовому комплексу на западном краю Эски-Керменского плато. В 1936 г. его изучением занималась экспедиция ГАИМК, а непосредственным исполнителем работ и составителем полевой документации был Е. В. Веймарн. Эти материалы (хранятся в ИИМК и КРУ БИКЗ) не готовились им для публикации. Тем не менее, их введение в научный оборот представляется важным.

По Е. В. Веймарну, около западной оборонительной стены Эски-Кермена, на углу большого пространства скалы, расположена пещерная часовня, известная под названием «келейки». Данный участок городища был расчищен в 1933–36 гг. В ходе расчистки был обнаружен небольшой «ритуальный комплекс», включавший глубокую усыпальницу, две расположенные под ней пещеры, а также упомянутую «келейку».

Усыпальница в плане имеет форму круга, несколько сплюснутого с запада, где находится вход в комплекс. По остальным сторонам расположены лежанки для умерших. Восточная и южная лежанки имеют одинаковые высоты и отделяются друг от друга бортиком.

Южнее и выше усыпальницы располагается церковь. Ее алтарная часть вырублена в скале почти на глубину до 1,0 м, выше обложена тесаным камнем. В центре абсиды, вблизи ее восточной стены, находился престол, состоящий из столба и плиты, на которой выцарапан крест в круге с инициалами Христа. Внутренняя кладка алтарной части, а также южная и северная стены, сложены из бутового некрупного камня,

на глине. Внутри часовня была оштукатурена и дважды расписана фреской. Западная стена не сохранилась. Пол часовни скальный. Ее гибель, видимо, связан с пожаром.

В пещеру-«келейку» ведет вход прямоугольной формы, ориентированный на запад, со следами деревянной дверной коробки. Вдоль стен идут лежанки. Пещера прямоугольная в плане, с скругленным юго-западным углом, где имеются «ясли» с «каменным кольцом». В верхней части восточной стены вырублены три ниши, одна из которых имеет выпуклую рамку. Между нишами в стене высечен крест. В юго-восточной части пола находится большая прямоугольная в плане выборка в скале, предназначенная для установки пифосов.

Две другие пещеры, очевидно, имели хозяйственное значение, хотя одна из них, по-видимому, была переделана из одной или двух усыпальниц.

Не исключено, что данный пещерный комплекс функционально может быть рассмотрен как монастырь, завершение расчистки которого дало бы ценные сведения об организации монастырской жизни в горной части Таврики.

А. А. Душенко
(г. Бахчисарай)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДВОРЦА ПРАВИТЕЛЕЙ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО (МАНГУП)

История изучения дворца правителей княжества Феодоро, расположенного в центральной части Мангупского плато, включает несколько этапов. Первый этап связан с раскопками 1912 г., которые проводились на Мангупе директором Херсонесского музея Р. Х. Лепером, обратившим внимание на высокий земляной холм, расположенный к юго-востоку от базилики. Их главным итогом, помимо собственно открытия комплекса, стало снятие плана открытых строительных остатков, а также находка строительной надписи 1425 г. с именем правителя Феодоро Алексея. Открытые Р. Х. Лепером здания доследовались в ходе раскопок 1938 (А. Л. Якобсон) и 1968 гг. (Е. Г. Сузов). В ходе этих работ были сформулированы две гипотезы в отношении планировки и облика дворца. По мнению А. Л. Якобсона, комплекс был построен в XIV в. и после перестройки 1425 г. включал в себя центральное двухэтажное зда-

ние (помещение С), двор с колоннадой (помещение В) и башню-донжон (помещение А). Е. Г. Сузов гипотетически реконструировал дворец как симметричный комплекс с двумя двухэтажными зданиями в юго-западном и юго-восточном углах, от которых шли два двойных ряда колонн, примыкавшие к северной стене с башней-донжоном. Е. В. Веймарн посчитал гипотезу Е. Г. Сузова удачной, однако отметил необходимость ее проверки в ходе дальнейших исследований. В 1974 г. он провел значительные по объему археологические работы на памятнике, результаты которых, к сожалению, остались не опубликованными. К числу новых объектов комплекса, открытых Е. В. Веймарном, принадлежит прямоугольное помещение J, пристроенное к западной стене центрального здания комплекса (помещение С).

Возобновление археологических исследований дворца правителей Феодоро в недавнее время было обусловлено следующими факторами:

- значительная часть археологического материала и полевой документации раскопок 1912, 1938, 1968 и 1974 гг. утрачена или депаспортизирована;

- датировки находок из раскопок 1912, 1938, 1968, 1974 гг. требуют пересмотра с учетом современных представлений о хронологии археологического материала и сопоставления с новым, лучше стратифицированным материалом;

- правомерность гипотез А. Л. Якобсона и Е. Г. Сузова в отношении планировки дворцового комплекса нуждается в проверке, которая не возможна без систематического археологического изучения памятника.

Раскопки дворца правителей Феодоро были возобновлены экспедицией Таврического национального университета им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена в 2006 г. После расчистки участка от растительности и уборки отвалов из раскопок прошлых лет производилась инструментальная съемка известных строительных остатков, которая постепенно была дополнена сооружениями, открываемыми в процессе работ.

Площадь дворцового комплекса и прилегающей территории была разделена для удобства ведения полевой документации на пять отдельных участков (центральный, южный, западный, северный, восточный). Работы велись, в основном, на южном, центральном и западном участках. На территории центрального участка, включающего помещения А, В, С, D, Е и F, были доследованы культурные горизонты, сохранившиеся после раскопок 1912, 1938, 1968 и 1974 гг. На южном и западном участ-

ках, в меньшей степени затронутых работами прошлых лет, был открыт или доследован ряд построек (помещения G, H, I, K, L, M) и планировочных объектов («южная улица», плитовая дворцовая вымостка). Кроме того, на территории южного участка был открыт ряд хозяйственных ям, борта которых вырублены в скале и наращены за счет кольцевых кладок.

Отдельные комплексы и наиболее выразительные находки из раскопок дворца 2006–2010 гг. уже введены в научный оборот. Комплекс археологического материала из культурных горизонтов, связанных со строительством и функционированием дворца, датируется в пределах второй-третьей четверти XV в. Необходимо отметить, что постройки, открытые на южном участке дворца в 2006–2010 гг. (помещения H, K, L) прекратили функционировать в результате пожара, который, видимо, связан с захватом Феодоро турецкой армии в 1475 г.

Строительных остатков и комплексов раннесредневекового времени на площади дворца пока не обнаружено. «Турецкий» период в истории данного участка Мангупского плато представлен помещением M, датирующимся концом XV – первой половиной XVI в.

Вопрос о планировке дворца и прилегающей территории остается до сих пор открытым. С севера комплекс ограничен стеной, примыкающей к башне донжону, южной планиграфической границей, видимо, является т. н. «южная улица», отделяющая непосредственно дворец от окружающей застройки. Западную и восточную границы комплекса предстоит определить в процессе дальнейшего изучения.

Таким образом, на данном этапе исследований архитектурный комплекс дворца правителей Феодоро включает в себя башню-донжон (A), двор с колоннадой (B), двухэтажное помещение (C), вспомогательные помещения (D и E), а также ряд построек (F, G, H, I) имевших, видимо, хозяйственное назначение.

А. В. Кабачкова
(г. Симферополь)

КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Интерес к изучению курительных глиняных трубок, происходящих из позднесредневековых археологических комплексов Северного Причерноморья, а также музейных собраний южной части Украины, в

последнее время значительно вырос. При этом следует помнить, что для указанного периода времени для этого региона характерны, прежде всего, трубки османского (турецкого) типа.

В публикациях, посвященных этой группе керамических находок, представлены довольно подробный обзор истории их появления, анализ материала и способа изготовления, клейма, морфология наиболее употребительных форм, орнамент, масштаб распространения «вредной» привычки среди населения. Многовариантными остаются принципы описания и обозначения отдельных частей трубок: чашечка, венчик чашечки (верхняя часть, бортик, край), втулка (чубук, мундштук, носик), нижняя часть, утолщение втулки.

В историографии наиболее полно исследованы и изданы коллекции курительных трубок из Болгарии. Выделен специальный «фасон» изделий, характерный для Софии и Варны, выявлены первые трубки с абсолютными датами с клеймами. Лишь публикационную ценность несут издания отдельных коллекций из Румынии, Абхазии, Грузии, Азербайджана.

Предварительная типология «османских» трубок разработана Дж. Хейсом. Он выделил ранний тип светлосерых глиняных трубок без клейм (XVII – начала XVIII вв.), тип ранних красноглиняных (краснокоричневых) трубок XVIII в. (начала XIX в.), краснолощенные (XIX в.) трубки, поздние типы краснолощенных изделий с клеймами (после 1850 г.).

Значительный вклад в изучение курительных трубок внес Р. Робинсон. Он разделил курительные трубки на две большие группы — западноевропейские, которые изготавливались из белой глины, фаянса и представляли собой единое (целое) тело, с цилиндрической чашкой и вытянутой втулкой, а также «османские» трубки — «чубуки», которые распространились в Восточной Европе, в частности Османской империи, и состояли из трех частей (трубка, трубочка для чубука и мундштук).

В советской историографии для датировок трубок, чаще всего, использовали широкие датировки (XVI – XVIII вв.), не пытаясь добиться их сужения.

Российские исследователи И. В. Волков и Н. М. Зурабян дают информацию о частных коллекциях курительных трубок в Москве и Санкт-Петербурге. Исследователи разрабатывают историю появления трубки в России, клейма различных мастерских. В этих работах содержатся

любопытные замечания в отношении видов данной группы изделий и названия их отдельных частей.

Среди украинских исследователей, специализирующихся на этом вопросе, отметим работы О. Коваленко, Т. Красновой, А. Чекановского и Л. Чмиль. Первый дает общую характеристику основных морфологических типов и способов орнаментации курительных трубок XVII – XVIII вв., происходящих с территории Украины. Статья Т. Н. Красновой посвящена обзору коллекции трубок из фондов Бахчисарайского историко-культурного заповедника. В работе А. Чекановского и Л. Чмиль собраны глиняные курительные трубки из археологических комплексов Киева.

Н. В. Кашовская
(г. Санкт-Петербург)

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА МАНГУПЕ

Мангуп с поселенцами евреями-караимами у любого, кто посетил это удивительное по красоте горное плато, рождает самые смелые гипотезы.

В «Крымском сборнике» П. И. Кеппена публикуется одна из первых «интерпретаций» хазарских следов в караимской истории Мангупа. Новым было усмотрение в его иудейской общине связи евреев-караимов и иудеев-хазар.

К 1833 г. стал широко известен «рассказ» Мордехая Султанского о караимских исторических судьбах: караимы переселились в Крым вместе с татарами из Персии, Бухарии и Черкесии. Мангуп заселяли выходцы из Старого Крыма и Кафы. На Мангупе караимов было около 300 семей, а надгробие 5034 г. (1274 г по Р. Х.) являлось наиболее древним.

Результатами изысканий на Мангупе А. С. Фирковича, начатых им в 1839 г., стал раздел «надгробные памятники сынов Израиля города Мангуп» в «Книге памятных камней» (Авне-Зиккарон). По тому, как комплектовался мангупский каталог в «Авне-Зиккарон», можно говорить о многократности посещения Фирковичем Мангупа (1839, 1844, 1846 годы) и о целях его пребывания. Корпус сформулирован в намечавшихся хазарских тенденциях А. С. Фирковича: от 71-й эпитафии, начиная с 861г., и далее последовательно отражая жизнь общины до конца XVIII в.

В каталоге Дубнова-Гидалевича, который был сформирован на материалах двухлетних работ Р. Х. Лепера и А. Я. Гидалевича 1912–13 годах, первая надпись относится к 1387 г., 36 датируются от 1505 г. до 1730 г., 13 эпитафий — не датированы. Таким образом, С. М. Дубнов предложил свою датировку и историческую концепцию некрополя Табана-Дере.

Оба собрания мангупских надписей в «Авне-Зиккарон» А. С. Фирковича и Дубнова-Гидалевича суммарно охватили всего 107 эпитафий, причем, во многом спорных и неточных. Лепер Р. Х. сам в различных выступлениях несколько раз менял ранний предел дат, виденных им памятников (от X до XV веков), указывая на незначительное количество древних памятников.

Планомерными работами 1990–2000-х годов было выявлено на караимском кладбище в балке Табана-Дере, общей площадью около 3 га, 1008 надгробий. Они все были зафиксированы геодезическими координатами. По итогам работ собрана полная эпиграфическая коллекция с некрополя Табана-Дере, которая представляет собой прориси и эстампажи, снятые с оригиналов; фотоальбом и чертежи архитектурных форм и типов всего массива надгробий. Многостороннее изучение и корреляция всех видов фиксаций позволили дать ответ на время возникновения иудейской общины Мангупа — первая половина XV в.

Д. В. Корзюк
(г. Симферополь)

ОКТАГОНАЛЬНЫЙ ХРАМ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО РЕШЕНИЯ

Октагональный храм Мангупского городища в центральной части его цитадели был открыт Ф. А. Брауном еще в 1890 г. История его археологического изучения подробно освещена в статьях В. Л. Мыца, В. П. Кирилко, А. Г. Герцена и В. Е. Науменко. Время возведения октагона, после исследования комплекса в 1997–2001 гг., связывается с содержанием известной надписи 1427 г.

Октагональная церковь Мангупа представляет собой комплекс, состоящий из типичных для византийской архитектуры компонентов — нартекса, наоса и алтарной части. Внутреннюю планировочную струк-

туру дополняют трансепты (экседры — по В. Л. Кирилко), размещенные с севера и юга наоса. Алтарная часть, вероятно, отделялась от наоса алтарной преградой, от которой осталась вырубленная в скале постель шириной 0,18–0,2 м и глубиной до 0,11 м. Посередине алтаря отчетливо читается квадратная вырубка под престол. Престол, очевидно, находился под киворием, от которого сохранились несколько симметрично расположенных по углам вырубков для крепления навеса, на что справедливо указали В. П. Кирилко и В. Л. Мыц.

На сегодняшний день, существует несколько версий происхождения архитектурного стиля храма. Одна из них — так называемая византийская версия, при рассмотрении которой сделан особый акцент на группы церквей X – XI вв. отражающих новую линию развития византийского храмового зодчества. На территории столицы Византийской империи и Греции на протяжении долгих лет планировка храмов была подчинена процессу модификации на основе ранних традиционных формообразований, что свидетельствует о стремлении выявить новое архитектурное решение храма. Вероятно, именно поэтому и установился тип храма в виде креста, вписанного в квадрат, разновидностью которого стали в XI в. так называемые куполообразные октагоны (монастырь Зоодохос Пиджи, Панагия Крина, Неа Мони и др.).

Возвращаясь к нашему октагону, отметим, что, к сожалению, единственным сохранившимся его кратким описанием является свидетельство турецкого путешественника Эвлия Челяби, посетившего Мангуп в 1666–1667 гг. Исходя из него, а также наблюдений, сделанных в ходе археологических исследований памятника, можно предположить, что облик храма был соподчинен вертикальной оси центрической архитектуры. Как известно, особенностью византийского зодчества являются купола, расположенные на квадратном основании. Формальное совершенство (симметрия) и сложность (два наложенных друг на друга квадрата с поворотом относительно центральной оси) привели к образованию новой геометрической формы (октагон) в храмовой архитектуре. Следовательно, переход к куполу через октагон с конструкцией различных типов октагональности и является отличительной чертой центрических храмов. Стандартные элементы — осевая композиция, ведущая от нартекса к алтарю, подкупольный квадрат, образующий центр наоса — остались нетронутыми. Перемены возникали в отдельных местах и в ответ на особые требования местности, функции или декора. Это можно

увидеть на примере входной части храма, которая состояла из нартекса и/или портика.

Со стороны входа в октагональный храм были обнаружены остатки опорных столбов квадратного сечения. Эти опоры были установлены на несколько возвышающейся площадке, от которой сохранились северная и западная постели ограждавших ее стен. Вероятно, это и был портик, который, с большой вероятностью, может быть отнесен к типу «миниатюрного портика». Данный тип портика часто использовался в византийских церквях, особенно в Сирии. В общем строении церкви он являлся самостоятельным, отдельно стоящим архитектурным компонентом, прилегающим к главному телу храма.

Через портик посетитель попадал в нартекс. Нартекс также является до сих пор входным элементом, который составляет единое внутреннее пространство храма. Из нартекса путь лежит в почти квадратный в плане наос, по бокам которого расположены трансепты. Вероятно, появление трансепта как архитектурно-планировочного элемента храма, возникло при необходимости увеличить пространство перед алтарем и апсидой. Переход от продольных нефов к трансепту осуществляли с помощью подпружной арки средокрестия. При всем консерватизме архитектурного проектирования в переходный период от ранневизантийского к средневизантийскому зодчеству изменявшиеся функциональные требования должны были приводить к модификации существующих храмовых форм или даже к развитию новых. Например, в средне- и поздневизантийский периоды предметом постоянной заботы основателей храмов и монастырей были погребения и практика поминовения усопших. Рассматриваемый нами храм не являлся исключением. На расстоянии 0,1–0,15 м от северо-западной грани октагона раскрыта вырубленная в скале гробница прямоугольной формы. Как видно, здесь полностью унаследован византийский обычай, согласно которому в наосе почти никогда не хоронили. Именно поэтому верующие стремились поместить погребения как можно ближе к нему, с тем, чтобы духовная благодать в процессе службы была бы более достижима.

Единственная попытка внешней реконструкции октагонального храма была предпринята В. П. Кирилко и В. Л. Мыцом. Они приписывали храму армянское происхождение и поэтому реконструкция комплекса носила общий характер армянской архитектуры с применением тради-

ционных элементов — стрельчатый свод, конусовидный купол. Но эта версия не нашла поддержки в историографии. Следуя описанию памятника, оставленной А. Л. Бертье-Делагардом в 1890 г., возможно предположить, что перекрытие храма выполнено в той же технике и из того же материала, что и кладка стен. Такой вид строительной техники применялся в основном в восточно-византийской архитектурной традиции. Принципиально любая сводчатая конструкция отличается от стропильной тем, что она кроме вертикальной нагрузки передает на стены также и горизонтальное усилие, называемое распором, направленное к наружной стороне от центра свода. Наличие щековых стен в планировке храма, вероятно, предполагает, что они несут часть нагрузки от свода. Это возможно при условии, что форма свода крестовая. Преимущество крестового свода состоит в том, что в щековых стенах, его ограничивающих, очень легко и удобно устраиваются оконные отверстия, о чем в свое время говорил Ф. А. Браун.

Свод, который опирается на подпружные арки, выгоднее возводить из горизонтальной кладки. Перекрываемое помещение со всех четырех сторон окружено арками, так что весь груз покрытия передается на четыре столба. Существует несколько графических способов для приблизительного определения толщины опор в зависимости от отношения подъема свода к его отверстию, так как с изменением этого отношения, изменяется и величина распора, а, следовательно, и толщина опоры. Зная пролет здания графическим методом можно определить толщину опор сводов. Согласно методу Рондле, толщина полуциркульного свода равна $1/8$ ее пролета. Таким образом, толщина стены свода определяется в пределах 1,00–1,05 м. Принимая во внимание эти данные и назначив размеры опор для правильного цилиндрического свода, можно определить толщину опор и для сводов, при том же пролете, но с плоской или возвышенной кривой направляющей. При соблюдении пропорции $1/8$ пролета свод будет полуциркульный, что характерно для византийской архитектуры.

В заключение, необходимо также отметить выводы, сделанные, не зависимо друг от друга, А. Г. Герценым, В. П. Кирилко и В. Л. Мыцом, о том, что рассматриваемый октагон в градостроительном аспекте являлся архитектурно-топографической доминантой цитадели Мангупского городища.

М. А. Курышева
(г. Москва)

ВИЗАНТИНИСТ М. А. ШАНГИН — СОТРУДНИК ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ В 1936–1937 гг.

Имя ученика Ф. И. Успенского Мстислава Антониновича (Антоновича) Шангина (1896–1942), филолога-классика, византиниста и палеографа — известно лишь узкому кругу специалистов. Его судьбе и научной деятельности посвящено исследование С. Н. Гуковой (М. А. Шангин: жизнь и творчество // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 497–520). Между тем, наши архивные изыскания позволяют внести существенные дополнения в реконструкцию его биографии.

Во-первых, сведения о том, что М. А. Шангин хотя и привлекался к следствию по т. н. «Академическому делу», но был отпущен (С. Н. Гукова, А. Г. Грушевой), вряд ли достоверны. После публикации данных из Архива Российской Академии наук (АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804) известно, что он был арестован 14 ноября 1930 г. и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества (Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 496). Постановлением Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1932 г. освобожден из лагеря в г. Кемь с лишением на 3 года права проживания в 12 пунктах. После лагеря не имел постоянной работы, жил в Тамбове.

Во-вторых, с апреля 1936 до июня 1937 гг. М. А. Шангин вместе со своей женой, византинисткой А. Ф. Вишняковой, по распоряжению Наркомпроса РСФСР работал сотрудником Херсонесского музея в г. Севастополь. В Архиве Национального Заповедника «Херсонес Таврический» нами обнаружены неизвестные материалы, позволяющие существенно дополнить картину научной и организационной деятельности ученого в этот непростой для Херсонесского музея период существования. Шангин вел активную научно-исследовательскую работу в фондах Херсонесского музея, делал научные доклады, инвентаризировал эпиграфические памятники, курировал экскурсоводов и музейную библиотеку, комплектуя ее необходимыми для научной работы книгами.

М. А. Шангин в 1936–1937 гг. был командирован и читал лекции на курсах преподавателей-историков в Симферополе. В 1937 г. М. А. Шангин становится ученым секретарем музея. Сохранились его черновики официальных писем в Ленинград с просьбой прислать отобранные им из дублетного фонда Библиотеки Академии наук СССР книги, необходимые для библиотеки музея; есть также написанные его рукой по запросу музейного отдела Наркомпроса РСФСР должностные инструкции для директора, замдиректора и ученого секретаря музея (Арх. НЗХТ. Д. 547. Л. 28–33). Его же автографом является «Отчет о работе музея в 1933–1937 гг.» — хронологически последний архивный документ о пребывании Шангина в Херсонесе (Арх. НЗХТ. Д. 547. Л. 34–35).

В-третьих, после публикации дневников В. И. Вернадского за 1938–1941 гг. (*Вернадский В. И. Дневники 1941–1943* / Отв. ред. В. П. Волков. М., 2010. С. 135) стало известно, что в 30–40-е гг. М. А. Шангин был не просто знакомым, но постоянным собеседником и корреспондентом великого ученого. Шангин пользовался его неизменным расположением и поддержкой. В АРАН в Москве в фонде В. И. Вернадского хранится его отзыв о Шангине. Сохранилась подборка писем Шангина Вернадскому, которые писались с 1932 по 1941 гг. (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823). В. И. Вернадский был ученым-универсалом, характер его естественнонаучных трудов предполагал широкую гуманитарную эрудицию. Именно поэтому его расположение к Шангину, по-видимому, было не только человеческой симпатией, но и признанием профессионала-коллеги.

Т. В. Куц

(г. Екатеринбург)

КРЫМСКАЯ МЕТАМОРФОЗА

ПАВЛА ИЗ МИЛАНА (XIV в.):

ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Византийская эпистолография, несмотря на специфику этого жанра, позволяет историку восстановить моменты жизни автора и его корреспондентов, а порой и воссоздать их биографии. В своем докладе я попытаюсь реконструировать биографию одного образованного итальянца конца XIV в. и охарактеризовать крымский период его жизни.

Об этом человеке по имени Павел нам известно по трем письмам знаменитого византийского интеллектуала Димитрия Кидониса. Павел

родился в Милане, вероятно, в конце 60 – начале 70-х гг. XIV в. В 1386 г. прибыл в Константинополь для изучения греческого языка. Его успехи в образовании и страстное желание постичь науки привлекли к нему внимание Кидониса, который оказал ему содействие и помощь. Павел был одним из первых итальянцев, кто отправился в Византию за образованием. Рискну предположить, что миланцу не были чужды гуманистические идеи. Константинопольский период, на протяжении которого Павел все свое время посвящал наукам, длился около пяти лет.

В последующем его жизнь претерпела коренной поворот. Ученые занятия оказались заброшены. На первое место вышла предпринимательская деятельность. Мы встречаем Павла в Крыму, где он проводит несколько лет в Каффе (около 1392–1396 гг.), занимаясь торговыми операциями. Что заставило его столь радикально изменить свою жизнь — необходимость зарабатывать на существование, семейные обязательства или осознание того, что наука не приносит достатка — неизвестно. Но благодаря письму Кидониса, отправленному в Каффу, мы можем узнать некоторые подробности о жизни Павла в Крыму. Содержание письма свидетельствует также о развитых коммуникациях между столицей и генуэзскими колониями на полуострове.

За несколько лет из человека, проводящего все время за книгами, Павел превратился в успешного предпринимателя, правда, не порвавшего прежние интеллектуальные связи и хранящего благодарность к греческим учителям и покровителям. Этот частный пример позволяет не только показать возможные метаморфозы человеческой жизни в тот период, но и через биографию конкретного человека оценить степень социальной и пространственной мобильности, существовавшей тогда в Восточном Средиземноморье и Причерноморье.

М. Е. Левада, Е. Р. Михайлова
(г. Киев – г. Санкт-Петербург)

БРАСЛЕТ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАВЕТНОЕ

(К вопросу о контактах населения Крыма с лесной зоной Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов)

В фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника хранится бронзовый разомкнутый браслет с утолщенными концами. Сечение браслета округлое, концы — декорированы. Врезной орнамент

представляет собой косые кресты, ограниченные перпендикулярными линиями. Подобных браслетов в Крыму неизвестно. Крымские браслеты с утолщенными концами несколько иные, на них соотношение минимального диаметра дрота и концов гораздо меньше, а декор в виде косых крестов неизвестен.

По имеющейся сегодня информации, браслет был найден Н. А. Богдановой в 1955 г. на могильнике Заветное в погребении № 36. Поскольку для Крыма он не типичен, должного внимания этой находке тогда не уделили. К тому же, в то время подобные браслеты были настолько плохо изучены, что из известных аналогий можно было назвать лишь по одному браслету из могильника культуры Таранда Кохтла-Ярве I в Северо-Восточной Эстонии и грунтового могильника Пашушвис в Центральной Литве, а также пять браслетов из клада в Верхней Злобинке на Брянщине.

В настоящее время количество таких находок значительно возросло. Ареал их распространения показывает, что для Эстонии они также не типичны. Основными регионами, где известны эти браслеты являются Среднее и Верхнее Поднепровье (включая бассейн Десны), бассейн Оки и правобережье Верхней Волги, а также Северо-Запад России.

Для бассейна Днепра находки таких браслетов связаны с украшениями круга выемчатых эмалей и ранними памятниками пеньковской культуры, на Оке и Верхней Волге — с городищами мощинской культуры и рязано-окскими могильниками, а для Северо-Западной России — с культурой псковских длинных курганов.

Хронология браслетов разработана недостаточно, поскольку большинство из них найдено вне комплексов или в комплексах, не дающих возможности для узких датировок. Представляется, что время появления подобных браслетов можно определить по хронологии клада в Сухоносивке на Полтавщине — рубеж IV – V или начало V в. Браслет из погребения № 21 рязано-окского могильника Шатрище можно датировать по крестовидной фибуле типа АЗ периодом 3А/3В этой культуры, т. е. в пределах V в.

Закономерен вопрос о причинах появления такого браслета в Крыму. Контакты в эпоху Великого переселения народов между Крымом и Северной Европой изучены уже неплохо, но только для германского мира, включая даже Скандинавию. А следы населения лесной зоны Восточной Европы в Крыму специально не изучались, за исключением находок украшений круга выемчатых эмалей. Судя по ним, какие-то

контакты осуществлялись на протяжении всего IV в., включая рубеж IV и V вв. находка из Заветного позволяет подтвердить эту верхнюю дату, а, возможно, и расширить ее на весь V в.

Главной проблемой атрибуции браслета из Заветного является отсутствие полной публикации могильника. Информация о том, что браслет происходит из погребения № 36, носит пока предварительный характер. Безусловно, лишь точное определение погребения и анализ всего инвентаря позволит более уверенно говорить и о его датировке, и о том, как он попал в Крым — непосредственно «с самого севера» Восточной Европы или через Среднее Поднепровье, находившееся под влиянием северных и северо-восточных импульсов.

Е. С. Лесная
(г. Бахчисарай)

НОВЫЕ НАХОДКИ КЕРАМИКИ ИОНИЙСКОГО ТИПА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Керамика ионийского типа (ионийская «полосатая» керамика) часто встречается в слоях классического времени эллинических памятников Северного Причерноморья (Ольвия, Керкинитида, города Боспора). Она распадается на две группы сосудов. Во-первых, импортные изделия, собственно ионийские, выделяющиеся изысканной профилировкой, качеством лака или же «краски», характером глиняного теста. Ко второй группе принадлежат сосуды местного производства, подражающие формой и орнаментацией импортным изделиям (венцы и тулова сосуда украшены концентрическими полосами коричневого лака, его оттенки варьируются от красного до темно-коричневого), что можно наблюдать на примере ольвийской керамики. На Херсонесском городище сосуды подобного типа встречаются в слоях и закрытых комплексах эпохи классики и эллинизма и уже неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Главным образом, эта группа керамики привлекалась для решения вопросов, связанных с установлением даты основания Херсонеса и определения его статуса в начальный период существования. Однако, однозначной интерпретации находки «полосатой» посуды так и не получили.

В ходе недавних исследований участка базилики «Крузе» (№ 7) в Северо-Восточном районе Херсонесского городища в слоях ниже пола

базилики были обнаружены два интересных комплекса, содержащих в себе фрагменты керамики ионийского типа. Во-первых, это остатки слоя V в. до н. э., в котором были обнаружены фрагменты хиосских пухлогорлых амфор, амфор Фасоса типа «ворота Силена», сероглиняной лесбосской амфоры, сосудов Менды и Самоса, фрагменты аттической расписной и чернолаковой посуды. Совокупно эти находки можно датировать второй-третьей четвертями V в. до н. э., а формирование самого слоя нужно отнести ко времени не позже начала последней четверти столетия. Второй комплекс, более поздний — колодец эллинистического времени, обнаруженный в южной конхе базилики. Засыпь колодца содержала в себе многочисленные фрагменты строительной керамики (гераклейского и синопского производства), амфорной тары (Херсонес, Синопа, Гераклея, Хиос, Менда, Родос, Книд, Коринф, Фасос), простой столовой, расписной, чернолаковой посуды, сероглиняной керамики с черным покрытием. Время образования засыпи можно отнести к последней четверти III в. до н. э., наиболее ранние амфорные клейма и расписная посуда датируются в пределах первой половины IV в. до н. э.

В первом комплексе были обнаружены чаши-килики с тонкими стенками, ровным прямым краем, датирующиеся временем в пределах первой половины V в. до н. э. Есть там и грибовидные сосуды, украшенные характерными полосками коричневого лака. Глиняное тесто плотное, с мелкими частицами известняка и слюды. Импортное происхождение этих сосудов очевидно, но локализация места производства затруднительна.

Из колодца происходят фрагменты схожих по орнаментации чашкиликов, однако, иной профилировки — варьируется форма закраины (встречается заостренный, утолщенный, скошенный край, другой характер имеет лаковое покрытие). Принимая во внимание находки из других участков Северо-Восточного района городища, среди которых имеется небольшое количество фрагментов бракованных(?) сосудов, близких по типологии находкам из колодца, можно осторожно предположить, что перед нами изделия херсонесских гончаров, подражающие более ранним импортным сосудам. В этом ключе стоит вспомнить местные херсонесские кувшины эллинистического времени, тулово которых украшено тремя-четырьмя полосами коричневого «лака» — орнаментом, традиционным для более ранних сосудов ионийского происхождения VI – V вв.

Таким образом, новые находки сосудов ионийского типа заставляют нас вновь вернуться к проблеме их происхождения, хронологии и типологии, рассматривая херсонесские материалы в общем контексте восточногреческой ионийской керамики. Высказанные же предположения носят предварительный характер и не претендуют на окончательное решение проблемы. К ней нужно вернуться, анализируя весь массив херсонесских сосудов данного типа в сравнении с материалами других центров Северного Причерноморья и Эгеиды.

В. В. Майко
(г. Симферополь)

**К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X – XII вв.
ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

Археологические памятники Юго-Западного Крыма средневизантийского времени изучены, на сегодняшний день, далеко не достаточно. Долгое время в литературе господствовала точка зрения А. Л. Якобсона, считавшего, что сельские поселения этого региона существовали в VIII – начале X вв. Древности X – XII вв. в отдельный период не выделялись, а возрождение жизни на памятниках датировалось не ранее второй половины XIII – XIV вв. Тем не менее, полученные в ходе многолетних работ археологические находки, часть из которых опубликована, позволяют поставить вопрос о том, что некоторые поселения продолжали функционировать и после середины X в.

В качестве примера, можно привести захоронения прихрамового некрополя в с. Гончарном, где в погребальном инвентаре и засыпи могил верхнего горизонта были обнаружены стеклянные браслеты. На этом же некрополе был зафиксирован и обряд подкладывания в область верхней части грудной клетки погребенного фрагмента черепицы, часто специально оббитой, в том числе с христианской символикой в виде креста с греческой формулой IC XP NIKA. Аналогии данному христианскому обряду, который никак нельзя считать языческим, известны на печенежско-половецком некрополе средневизантийского времени в Сугдее и на более позднем могильнике Мамай-Сурка в Причерноморских степях. Средневизантийским временем можно да-

тировать и каменный просфорный штамп, происходящий с территории некрополя в с. Гончарном. А. Л. Якобсоном он атрибутировался, как надгробие. Однако диаметр изделия и особенности изображений свидетельствуют в пользу того, что это христианское литургическое изделие. В частности, в коллекции музея г. Спийкенисс в Нидерландах известен двойной глиняный хлебный штамп с подобным крестом с раздвоенными концами. Изделие датируется XI – XII вв. Детали орнаментального оформления изделия находят аналогии и в штампе, происходящем с территории городища Эски-Кермен. Несомненно, продолжал функционировать и прихрамовый некрополь на плато Пампук-Кая. Об этом свидетельствует известная находка в погребальном инвентаре русского энколпиона и гончарного горшка с шаровидным корпусом и плоской ручкой. Последний датируется не ранее второй половины X в. Сказанное справедливо и по отношению к некрополю у с. Родникового, где в погребальном инвентаре присутствуют глазчатые бусы средневизантийского времени и фрагменты гончарных сосудов с широким дном и темно-красным черепком. Ярким свидетельством наличия находок второй половины X – XII вв. являются материалы исследований у с. Передовое. В частности в раскопе 3 в заполнении жилого дома была обнаружена шаровидная сплюснутая ойнахойя. Последняя находит прямые аналогии в древностях Сугдеи, Нового Света и Партенита. Безусловно, не ранее середины X в. датируется и некрополь у с. В. Голубинка. Здесь раскопками 1978–79 гг. Л. А. Омельковой и О. Л. Пелевиной было обнаружено 17 грунтовых и обложенных камнями захоронений. Могилы многоярусные, по несколько костяков в каждом ярусе. Погребальный инвентарь (стеклянные и бронзовый браслеты, бронзовый бубенчик, кольца, костяная пуговица-подвеска) четко датируется в рамках X – XII вв.

Таким образом, прихрамовые некрополи у с. Гончарное, на плато Пампук-Кая, могильник у с. Родниковое продолжают функционировать и после середины X в. Продолжается жизнь и на поселении у с. Передовое. Вместе с тем с середины X в. возникают и новые некрополи, такие как у с. В. Голубинка, не содержащие материалов предшествующего времени. Необходимо напомнить и о находке монеты Иоанна Цимисхия (969–976 гг.) на поселении у с. Резервное.

Д. А. Масюта
(г. Бахчисарай)

ДВА КОМПЛЕКСА СО СВЕТЛОГЛИНЯНЫМИ АМФОРАМИ ТИПА D ИЗ МОГИЛЬНИКА СУВЛУ-КАЯ

Могильник позднеримского времени Сувлу-Кая расположен на северо-восточной окраине г. Бахчисарая, в 700 м к северу от горы Сувлу-Кая (Саблу-Кая), давшей ему условное название. В 2011 г. Юго-Западной Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ было исследовано 20 разнотипных погребальных сооружений. В двух из них (могилы №№ 4 и 6) были зафиксированы находки светлоглиняных узкогорлых амфор типа D по Д. Б. Шелову.

Могила №4 расположена в южной части некрополя. Входная яма подпрямоугольная в плане (2,46 x 0,62 x 2,44 м), ориентированная с запада на восток. В верхней части заполнения были установлены необработанные камни, вероятно, указывающие на местоположение могилы. Вдоль северной стены вырублена ступенька, а в южной устроен подпрямоугольный в плане подбой (2,75 x 0,8 м), закрытый плитами известняка, щели между которыми заполнены мелким рваным камнем. Пол подбоя по отношению ко дну входной ямы углублен на 0,1 м. Сохранившаяся высота свода — 1 м.

Погребение взрослого человека совершено на спине в вытянутом положении, головой на восток. Возле костяка зафиксированы следы органического тлена, вероятно, от колоды. При зачистке камеры был обнаружен следующий инвентарь: светлоглиняная амфора типа D, краснолаковый кувшин с грушевидным туловом, шаровидная поперечносжатая бусина из прозрачного стекла, железный топор, оселок и изделия из бронзы (два кольца с «шишечками»), браслет с утолщенными концами, пряжка с овальной рамкой и подвижным прогнутым язычком, пластинчатый наконечник ремня, оковка, две фибулы смычковой конструкции, лучковая фибула с плоской спинкой, украшенной «змейкой» и с надетым на нее перстнем), а также железный нож и кость животного.

Могила № 6 расположена в 2 м на север от могилы № 4. Подпрямоугольная в плане входная яма (2,42 x 0,62 x 2,53 м) ориентирована по оси запад-восток. Ее северная стена была разрушена в IV в. н. э. при сооружении склепа. В южной стене вырублен овальный в плане подбой

(2,8 x 0,68 м), вход в который закрыт двумя рядами крупных известняковых плит. Второй ряд поставлен на плоские камни. Сохранившаяся высота свода — 0,8 м. Пол в подбоя понижается к южной стенке на 0,1 м. Западная стенка подбоя разрушена более поздним погребальным сооружением. В погребальной камере, на высоте 0,4 м от дна, в слое затека, прослежены очертания деревянной конструкции (гроба или колоды), на которой зачищены правая бедренная кость и кисть правой руки. *In situ* зафиксированы предметы из бронзы: кольцо и два браслета с окончаниями в виде змеиных голов.

Погребение совершено в колоде (?), на дне подбоя, в вытянутом положении на спине, головой на восток. При исследовании камеры найдены: светлоглиняная амфора типа D, шаровидная поперечносжатая халцедоновая и меловая бочковидная бусины, шаровидная бусина из глухого белого стекла, предметы из бронзы (две литые вытянутые биконические ребристые пронизи, перстень с вставкой из полупрозрачного лилового стекла, игла, лучковая фибула с плоской спинкой, украшенной «змейкой», две «смычковые» фибулы, продетые в серьгу из витой проволоки), железная пряжка с овальной рамкой и подвижным прогнутым язычком, железный нож и кость животного.

Предварительный анализ археологического материала, происходящего из могил №№ 4 и 6, позволяют датировать их первой половиной — серединой III в. н. э. Конструкция погребальных сооружений и инвентарь находят близкие параллели на варварских могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма позднеримского времени. Дальнейшее изучение некрополя Сувлу-Кая позволит уточнить планиграфию, хронологию и этнокультурную атрибуцию памятника.

Д. А. Мусеев
(г. Бахчисарай)

НОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ЦЕНТРЫ НА ЮЖНОЙ ПЕРИФЕРИИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА (ОКРУГА г. ИЛЬКА): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В течение 2010–2012 гг., в рамках программы изучения ближайшей округи Мангупского городища, проводились комплексные археологические и геофизические исследования производственных (гончар-

ных) центров на склонах г. Илька (Бахчисарайский район, Автономная Республика Крым). В литературе они известны с начала 90-х гг. XX в. Частично исследовались в 2006–2008 гг. участниками совместного украинно-германского научного проекта, посвященного изучению наиболее крупных «пещерных городов» Крыма (Мангупа, Эски-Кермена). Однако, только в последние годы в ходе археологических разведок местности, с активным использованием магнитометрических методов, удалось выявить и точно локализовать несколько центров по производству средневековой керамики в районе исследований.

Район памятника, приблизительно в 5 км к юго-востоку от Мангупского городища, представляет собой гористую местность, рельеф которой определяет идущая в направлении с северо-востока на юго-запад цепь горных вершин — Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш, Бабулган. Горы Орта-Сырт и Илька образуют седловину, вокруг которой сосредоточены источники воды и археологические объекты. На сегодняшний день, к числу последних отнесены три производственных центра (Илька-1, Илька-2, Илька-3), на площади которых открыто всего 17 гончарных печей, возможное поселение (Илька-4) и небольшой храмовый комплекс (Илька-5).

Отметим несколько моментов относительно методики исследования комплекса. Первоначально территория памятника была исследована с помощью визуальной археологической разведки. По ее результатам были определены наиболее перспективные участки дальнейшего изучения, на которых была проведена геомагнитная разведка. С ее помощью были открыты производственные комплексы, которые не выделялись внешне и не были обнаружены археологическими пешими разведками. Важно еще раз подчеркнуть высокую результативность геофизических исследований при поиске и локализации такого рода археологических памятников.

На сегодняшний день, наиболее изученным археологическим объектом является печь № 3 по производству строительной керамики на территории гончарного центра Илька-2. В плане она имеет прямоугольный со скругленными углами контур общими размерами 3,9 x 3,5 м, две камеры — загрузочную и полностью сохранившуюся топочную с двумя продольными каналами. Вход в последнюю был оформлен тремя выступами-пилонами из известняковых обработанных блоков, с использованием в качестве строительного материала больших фрагментов черепицы.

На данный момент мы можем лишь высказать весьма осторожные предположения о времени существования данного объекта. Комплекс строительной керамики разделяется на две хронологических группы — IX – X вв. и, с учетом аналогий из Эски-Кермена, Мангупа, Херсонеса, XIII – XV вв. Черепица этих групп различается морфологически и технологически. Отметим, что поздняя группа черепицы сохранилась лучше, нежели более ранняя. В данном случае группу IX – X вв., а также и все остальные находки этого времени, скорее всего, необходимо интерпретировать как переотложенный, вторично использованный материал. Наличие в комплексе печи № 3 двух разновремениных групп материала можно объяснить, по нашему мнению, длительностью существования производственного комплекса на участке Илька-2. Видимо, на территории участка имеются печи как XIII – XV вв. (как в случае с печью № 3), так и IX – X вв., откуда и происходит переотложенный материал.

Таким образом, в результате археологических исследований на склонах г. Илька был открыт новый производственный комплекс, где изготавливалась строительная керамика с IX по XV вв. Судя по всему, памятник имеет не менее двух периодов существования — IX – X вв. и XIII – XV вв. Видимо, между ними существовала пауза, которой было достаточно, чтобы технологический и морфологический облик производимой черепицы претерпел большие изменения.

В. И. Мордвинова
(г. Симферополь)

НЕКРОПОЛЬ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Каждый погребальный комплекс характеризует не столько конкретного индивида, сколько общество, которое его похоронило. То, как общество оценивало этого индивида к моменту его смерти, какое отводило ему место в социуме по сравнению с другими своими членами, проявляется в отличиях между погребальными комплексами, в том числе в их пространственном расположении и в количестве труда, затраченного на их сооружение. В оценке общественного положения конкретного человека проявляются общие, особенные и индивидуальные черты.

Общие черты — это черты, с помощью которых общество показывало, что человек является «своим», включенным в общество, и которые он разделял с остальными членами социума.

Особенные черты — это те, которые ставили человека в определенные отношения к другим членам социума, отделяли от одних и объединяли с другими, обладающими сходным социальным статусом. Этот статус мог определяться в зависимости от разнообразных условий:

1) политического положения, участия во властных / престижных структурах (например, элита — аппарат власти — не принимающие участие в политике — политические противники);

2) правового положения (знать — свободные — частично свободные — несвободные — рабы);

3) экономического положения (богатые — средний слой — бедные — обнищавшие);

4) рода занятий (крупные землевладельцы — свободные общинники — воины — ремесленники — торговцы — крестьяне — нищие);

5) этнической принадлежности (господствующий в данном обществе этнос — чужой этнос, но признаваемый допустимым и близким по статусу — чужой этнос, считающийся ниже по статусу);

6) происхождения (местные — принятые чужаки — беженцы);

7) религиозной принадлежности (местная общепринятая религия — мало распространенная, но допускаемая религия — отвергаемая в данном обществе религия);

8) возраста и социальной роли (взрослые мужчины — пожилые заслуженные мужчины / замужние женщины — старые мужчины / молодые незамужние женщины — мальчики-подростки / старые женщины — дети — больные / инвалиды).

Кроме того, на оценку социального статуса человека могли влиять его индивидуальные черты: особенности характера, внешний вид, близость к персоне правителя / влиятельного человека и т. п.

Любые из перечисленных особенностей могли оказать воздействие на формирование погребального комплекса конкретного индивидуума. Поэтому его социальное положение можно предположить только в результате сравнительного анализа всех погребений одного некрополя и выявления системы его функционирования и развития.

А. С. Мохов
(г. Екатеринбург)

К ПРОСОПОГРАФИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ

В XI в.: ВАРДА ДУКА

В исследовательской литературе, посвященной истории византийской Таврики, неоднократно упоминается, что в XI в. в Северном Причерноморье часто велись военные действия. Владениям империи в данном регионе угрожали киевские князья, печенеги и половцы. Однако в византийских исторических хрониках подробное описание военных действий отсутствует. Имена, титулы и должности византийских военачальников, состав императорских войск также остаются неизвестными. Исключением является мятеж Георгия Цулы (1016/1017 г.). Иоанн Скилица писал: «Император, возвратившись в Константинополь, в январе 6524 г. отправил флот в Хазарию, поставив экзархом Монга, сына Андроника Дуки Лида, который вместе со Сфенгом, братом Владимира, что был зятем императора, подчинил страну, а ее архонт Георгий Цула был захвачен в первом сражении» (Ioannis Scylitzae, Rec. I. Thurn, 1973. P. 354.88–94).

Варда Дука (Βάρδας ὁ Δούξ, Βάρδας ὁ Μουγγός) является одним из немногих византийских военачальников, действовавших в Таврике в XI в., чей *cursus honorum* может быть восстановлен достаточно полно.

Варда был сыном патрикия Андроника Дуки. Монг (Μουγγός) — это его прозвище, которое означает «охрипший, хриплый». В 976–981 гг. Варда Дука дважды упоминается в сочинении Скилицы как участник восстания Варды Склира (Ioannis Scylitzae, P. 319.18–19; P. 327.43 – 328.52). Впоследствии он был помилован императором Василием II, и принимал участие в войне против болгарского царя Самуила. В Берлинском собрании византийских печатей хранится моливдовул Варды Дуки, протоспафария и турмарха Веррии. Печать датируется временем после 1000 г., т. к. до этого Веррия была под контролем болгарских войск. Варда Монг находился на императорской службе более 30 лет, и процитированный выше отрывок из хроники Скилицы, связанный с событиями в Таврике в 1016/1017 г., относится к заключительному этапу его карьеры. По всей видимости, к этому же времени следует отнести печать Варды Дуки, анфипата патрикия (начало XI в.).

Военная карьера Варды Дуки достаточно типична для правления Василия II. После длительной службы этот бывший мятежник заслужил доверие императора, который не только поручил ему руководство важной военной миссией в Таврике, но и вознаградил высокими придворными титулами.

И. И. Неневоля, А. А. Волошинов
(г. Бахчисарай)

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА у с. ПРЕДУЩЕЛЬНОЕ

Данный могильник расположен на правом берегу р. Кача, в 50–80 м к востоку и юго-востоку от с. Предущельное Верхореченского сельского совета Бахчисарайского района, в тальвеге безымянной балки и на северном склоне господствующей над селом возвышенности. Открыт И. И. Лободой в 1976 г., когда при прокладке линии электропередач, в нижней части балки, была частично разрушена камера склепа, который не был исследован. В 1995 г., при расширении лесной дороги в центральной части склона, было разрушено еще три могилы, находившиеся в 80 м к югу от склепа 1976 г. По словам местных жителей, они содержали по одному погребенному и различные вещи (амфора, бусы, обломки железного меча и т. п.).

Археологические исследования некрополя были начаты в 1999 г. сотрудниками Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника (И. И. Неневоля, А. А. Волошинов). Работы были продолжены в 2000 г. Качинской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины (рук. Ю. П. Зайцев) и отделом охраны памятников БГИКЗ (И. И. Неневоля, А. А. Волошинов). За два археологических сезона было исследовано 21 погребальное сооружение, в том числе 17 подбойных могил (одна — с двумя камерами), 2 грунтовые могилы и 2 продольно-осевых склепа. Погребальные сооружения были врезаны в склон и ориентированы по оси северо-запад — юго-восток, за исключением могилы № 1, которая ориентирована по линии север-юг. Некоторые из них ограблены в древности. Погребения совершены в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Судя по остаткам древесного тлена, большая часть погребенных была захоронена в деревянных гробах и колодах.

Следует отметить некоторые особенности погребального обряда на могильнике. Так, в могиле № 8 кисть правой руки погребенного находилась в краснолаковой тарелке, а в могилах № 7, 16 были совершены подзахоронения, зафиксированные в виде скопления костных останков как над основным погребением (могила № 16), так и в отдельной колоде (могила № 7). Конструкция склепов в Предущельном имеет некоторые отличия от погребальных сооружений данного типа на некрополях Юго-Западного Крыма. Наличие могилы-подбоя в одной из стенок входной ямы находят многочисленные аналогии на памятниках Центрального (Дружное, Перевальное) и Восточного (Курское) Крыма. Оригинально устроен спуск во входную яму одного из склепов, оформленный в виде вертикальной торцевой стенки с вырубленными в ней нишами-ступенями.

Погребальный инвентарь имеет многочисленные аналогии в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма (Дружное, Танковое: Суворово, Инкерман) и может быть предварительно датирован серединой – третьей четвертью III в. – первой половиной IV в. н. э. Он достаточно разнообразен: бусы из бронзы, стекла из полудрагоценных камней, бронзовые зеркала, амулеты, фибулы, пряжки, перстни и браслеты различной конструкции, среди которых следует отметить шарнирный браслет со стеклянной вставкой и браслеты с окончаниями в виде «гераклового узла». Керамический материал представлен светлоглиняными амфорами типа «D» и «F» (в том числе с дипинти красной краской), краснолаковыми и лепными сосудами.

Исследования могильника Предущельное позволили выявить совершенно новый для Юго-Западного Крыма тип склепов первой половины IV в. н. э. Их конструктивные особенности (вертикальный спуск во входную яму и устройство в одной из ее стенок могилы-подбоя) свидетельствуют о притоке в долину р. Кача нового населения из Центрального и Восточного Крыма.

Л. Ю. Пономарев
(г. Керчь)

ЗОЛЬНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

При раскопках салтово-маяцких поселений исследователи неоднократно отмечали свойственную им «стерильность» культурного слоя. Большая часть находок — керамики и бытовых отходов, обычно кон-

центрировалась в заброшенных хозяйственных ямах, котлованах покинутых жилищ и вокруг них. Сюда же из домашних очагов регулярно сыпали золу, постепенно превращая места скопления бытового мусора в зольники. В отличие от И. И. Ляпушкина, рассматривавшего их как обычные «сорные кучи», С. А. Плетнева считала их семейными святилищами, связанными, видимо, с почитанием очага и огня. Этой же точки зрения придерживается И. П. Русанова, по мнению которой, зольники салтово-маяцких поселений, как и «зольники скифского и более раннего времени... имели определенную культовую роль».

На Керченском полуострове зольники обнаружены в основном на салтово-маяцких поселениях, раскопки которых проводились широкими площадями или же их культурный слой был переотложен распашкой. А. В. Гадло считал их «непременной принадлежностью» каждой «хозяйственно-бытовой ячейки» — обособленной группы построек, располагавшихся в пределах поселения на расстоянии до 200 м друг от друга.

Так, на поселении Пташкино зафиксированы остатки 10 жилищно-хозяйственных комплексов, включавших в себя постройку и зольник, размерами от 15 до 30 м в диаметре и высотой до 0,50 м. На поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное А. В. Гадло насчитал 12 зольников диаметром до 30 м. Еще один зольник, площадью 3,6 кв. м зачищен в южной части усадьбы на поселении Героевка-2. Два зольника обнаружены на городище Мирмекий. При этом один из них достигал диаметром около 8 м.

Наиболее часто в научных изданиях упоминается зольник, раскопанный А. В. Гадло на поселении Героевка-3. Сформировался он в котловане заброшенной полуземлянки VI первого строительного периода, открытой в раскопе 2–4.

На городище Тиритак зольник исследован в восточной части раскопа XXVI. В плане он имел Г-образную форму. Подошва зольника представляет собой котлован глубиной 0,20–0,47 м. В направлении СВ–ЮЗ его размеры составляли 6,6 м, а в направлении СЗ–ЮВ достигали 1,6 м. Стратиграфические разрезы позволили установить, что на отдельных участках его высота составляла не менее 0,50 м. Как и на поселении Героевка-3, ядром зольника послужил котлован полуземлянки, заброшенной не позднее середины IX в.

И, наконец, последний зольник обнаружен в окрестностях с. Заветное на Керченском полуострове. Изначально он представлял собой оваль-

ную в плане территорию площадью 8,84 кв. м, в центре которой находилась очажная яма. Впоследствии ее с трех сторон оградил невысокими стенками, а засыпанный очаг сменили открытые кострища.

Исследованные на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова зольники можно отнести к двум типам. В первый тип объединены небольшие зольники, в накоплении и обслуживании которых, скорее всего, принимали участие члены одной семьи. Зольники второго типа занимали территорию до нескольких десятков кв. м, и, по сути, представляли собой «зольные холмы». В отдельных случаях их размеры можно объяснить длительным периодом функционирования. В то же время можно предположить, что некоторые из них отсыпались золой и бытовым мусором, поступавшим из нескольких близлежащих жилищ.

Д. А. Прохоров
(г. Симферополь)

«ПЕЩЕРНЫЙ ГОРОД» ЧУФУТ-КАЛЕ

В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. развитие торговли, распространение идей европейского просвещения существенно повлияли на традиционно патриархальную жизнь караимских общин Крыма, изменив их внутреннюю структуру и быт. Многие караимы, в связи с трансформациями общественного и экономического характера, покидали привычные места жительства — и, в первую очередь, Чуфут-Кале, который вскоре потерял свое торгово-экономическое значение.

Тем не менее, в отношении Чуфут-Кале губернскими властями, научными обществами, а также энтузиастами из числа самих караимов неоднократно предпринимались меры, направленные на сохранение этого историко-культурного объекта и поддержания к нему интереса. Прежде всего, это касалось средневекового кладбища в Иосафатовой долине, критическое состояние памятников которого вызывало серьезную обеспокоенность общественности. Одной из попыток осуществить возрождение Чуфут-Кале стал проект переселения в город 40 караимских семейств из г. Троки, однако представители трокской караимской общины не были удовлетворены качеством земли и отсутствием воды, и отказались от переселения. В середине 50-х гг. XIX в., с целью привлечь в нее кара-

имскую молодежь и при поддержке российского правительства, в Чуфут-Кале была открыта русско-караимская школа. В этом учебном заведении в одном из первых, наряду с традиционными «караимскими», было введено преподавание некоторых общеобразовательных дисциплин. Однако, в связи с недостатком финансирования и неэффективной организацией учебного процесса, школа была вскоре закрыта.

В конце XIX в., в связи с активизацией историко-краеведческого движения и созданием научных обществ (и, прежде всего, ТУАК), интерес к «пещерного городу» проявляют многие ученые — востоковеды и археологи. Например, исследования, проводившиеся в Иосафатовой долине гебраистом Д. А. Хвольсоном, были предприняты в связи с разгоревшейся полемикой относительно подлинности эпитафических и лапидарных материалов, представленных А. С. Фирковичем. Осуществлялись попытки создать в Чуфут-Кале исторический музей с экспонатами, относящимися к истории, культуре и быту караимов. В это же время растет популярность Чуфут-Кале, как экскурсионно-туристического объекта — его посещает учащаяся молодежь, а также любители истории и просто активного отдыха. Частыми в «пещерном городе» с визитами появляются представители российского императорского дома Романовых — для этих целей караимской общиной на плато был даже построен дом для приема августейших гостей. Однако революция 1917 г. и последующие события перечеркнули многие инициативы, направленные на сохранение историко-культурного наследия Крыма в целом, и Чуфут-Кале, в частности.

А. Е. Пуздровский
(г. Симферополь)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

1. В 1996 г. над сводом камеры склепа 603, во входной яме грунтовой могилы, ориентированной по линии север-юг, прослежено два уровня каменных закладов. В камере склепа встречены попавшие сюда при обвале свода разрозненные кости взрослого человека и лошади, а также остатки инвентаря (пряжки). Захоронение, как и основное богатое жен-

ское погребение I в. н. э., было разграблено через пробой в стене из соседнего склепа 616 (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002). По аналогии с другими участками некрополя можно предположить, что в IV – V вв. н. э. здесь было совершено впускное погребение кочевника.

2. В 1997 г. обнаружено воинское захоронение, для которого был вторично использован разграбленный склеп 635. Через пробой в его своде внесли и установили в подрубленной в полу камеры и стенке ниши колоды с умершим, ориентированным головой на восток. Весь остальной объем камеры был заполнен разнокалиберным камнем. Поверх крышки колоды зафиксированы детали конской сбруи. К стенке был прислонен бронзовый котелок, а сама колода закрыта вертикально стоящими известняковыми плитами, имитирующими заклад подбойной могилы. С наружной стороны заклада зафиксированы два конских копыта с костями суставов, внутри колоды – позвонки мелкого рогатого скота (Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1999).

3. При совершении женского захоронения в своде камеры разграбленного склепа 830 (раскопки 2004 г.) был пробит лаз прямоугольной формы, заполненный крупными плитами известняка, песчаника и мраморовидного известняка: часть из них — обработанные блоки. Умершая была завернута в кошму, лежала головой на восток, кисть левой руки покоилась на тазовых костях, ноги сближены (связаны), череп смещен грызунами. К югу от костяка зачищены кости овцы. Набор инвентаря и обряд, в целом, характерны для кочевнических погребений Крыма VI – первой половины VII в. (Пуздровский, Соломоненко, 2008). В то же время, вещи, бывшие в употреблении в гуннское время (конец IV – V вв.) позволяют предположить связь умершей с кочевым населением, вернувшимся в Крым после распада державы Аттилы.

4. В 2007 г. во вторично использованной камере подбойной могилы 957 (II в. н. э.) обнаружено воинское погребение с богатым набором погребального инвентаря и конской сбруи. Во входной яме зачищены челюсти и голеностопные суставы лошади. Умерший лежал головой на северо-запад, под костяком прослежены слабые следы подстилки или ткани (Пуздровский, 2010).

5. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в гуннское время на территории некрополя фиксируется устойчивый обряд использования погребальных сооружений предыдущей поры (при этом прослежи-

вается особая скрытность захоронений). Место захоронения тщательно маскировалось. В могилах зафиксирован ритуал «шкуры коня» — признак гуннского обряда, жертвенная мясная пища. Воины были помещены в нишу (подбой). Показателен характер и набор инвентаря: бронзовая посуда походного типа, лук с костяными накладками, колчаный набор стрел, богатая конская сбруя, клинковое оружие (длинный меч и кинжал), однотипная ременная гарнитура, обкладки фигурок животных. Аналогии позволяют включить захоронения воинов в раннюю хронологическую группу памятников (конец IV – первая половина V в. н. э.) и связать с походами Атиллы в Западную Европу.

Ю. К. Rogova
(г. Санкт-Петербург)

**ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ И РАННЕХРИСТИАНСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ИЗ СОБРАНИЯ М. С. ВОРОНЦОВА
В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ (г. Санкт-Петербург)**

В коллекции Государственного Музея истории религии хранится несколько памятников погребального искусства, поступивших из Алушкинского дворца: четыре фрагмента мраморных саркофагов, а также надгробная надпись на мраморной плите. Все они относятся к II – IV векам и происходят из Рима, где они были закуплены князем М. С. Воронцовым в 1840-е годы для его античной коллекции. Часть этих памятников, например, фрагмент раннехристианского саркофага с изображением Чуда умножения хлебов и надгробная надпись Януарии, известные современной науке по рисункам и описаниям XVI – XVII века, долгое время считались утерянными. Другая часть до последнего времени не была введена в научный оборот. Между тем эти памятники представляют известный интерес для исследователей, занимающихся эпиграфикой и изучением позднеантичного и раннехристианского искусства.

Э. И. Сейдалиев
(г. Бахчисарай)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СОЛХАТА

Начало изучению крепостных стен средневекового Старого Крыма относится к концу XIX в. Одним из первых исследователей, упомянувшим об оборонительной системе Солхата стал В. Д. Смирнов. В 1886 году он, по поручению Императорской Археологической комиссии, обследовал археологические памятники Крымского полуострова, в том числе в Старом Крыму. И, хотя целью поездки ученого, были не объекты археологии, в результате появились публикации, важные с точки зрения привлечения внимания к археологическим памятникам. В. Д. Смирновым были обнаружены остатки рва и крепостных стен Солхата, которые с трудом прослеживались на поверхности. Исследователь отмечает их крайне плачевное состояние, камень с которых был растащен местными жителями для своих нужд.

Следующий этап исследования оборонительного пояса Старого Крыма приходится на 20-е гг. XX в. В 1925–26 гг. в Солхате работала экспедиция Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством И. М. Бороздина и А. С. Башкирова. В составе экспедиции трудились также У. А. Боданинский и О. Н.-А. Акчокраклы. В числе прочих памятников Старого Крыма ученые исследовали и крепостные стены.

В начале 30-х гг. XX в. в Крыму работала экспедиция фольклорной бригады Алупкинского дворца-музея. Результатом этой экспедиции стал вышедший в 1936 г. сборник крымскотатарских сказок. Автором иллюстраций к сборнику был художник П. М. Туманский. Известно также, что художник в подготовке иллюстраций пользовался материалами XVIII – XIX вв. и консультациями специалистов. В фондах КРУ БИКЗ хранится рисунок с изображением средневекового Солхата под авторством П. М. Туманского. Не исключено, что в этом случае художник пользовался консультациями У. А. Боданинского или О. Н.-А. Акчокраклы. На рисунке достаточно четко прослеживаются детали, в том числе и крепостных стен, окружающих город.

Очередные исследования оборонительного комплекса Солхата были начаты экспедицией Государственного Эрмитажа и КОИВ НАНУ под руководством М. Г. Крамаровского и А. И. Айбабина в 2009 году. В результате исследований были обнаружены остатки крепостных стен, локализованы башни и, возможно, калитка. В то же время, следует отметить, что полученных в ходе исследования результатов недостаточно и дальнейшее изучение оборонительных сооружений Солхата позволит существенно дополнить сведения об экономической и культурной жизни населения бывшей столицы Крымского юрта Улуса Джучи.

В. П. Степаненко
(г. Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАНГУПА ПЕРИОДА КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО

История Мангупа времени существования княжества Феодора известна преимущественно по внешним источникам. Археологические данные недостаточны, памятники местной эпиграфики немногочисленны, фрагментарны и не поддаются однозначной интерпретации. Как следствие, сделанные на их основе выводы относительно тех или иных периодов существования, датировок таких знаковых памятников городища как цитадель, крепостные стены, базилика и дворец, до конца не обоснованы и могут приниматься лишь как рабочие гипотезы.

К тому же остается все еще актуальным вопрос начала так называемого феодоритского периода в истории Мангупа. Следует ли его начинать с начала второй половины XIV в. (по надписи с именем «Хуйтаниса и Тцит...») или же отчет событий необходимо вести с начала XV в., времени правления князя Алексея. В первом случае нужно выделить два периода в истории «княжества», определив как рубеж между ними события конца XIV в, известные по поэме иеромонаха Матфея. В любом случае многие построения исследователей остаются предельно гипотетическими и не стыкуются друг с другом, что наглядно показывает периодизация строительства и разрушения крепостных стен городища и базилики, предложенные в работах соответственно А. Г. Герцена и Н. И. Барминой. Проиллюстрируем этот тезис несколькими примерами.

1. Цитадель построена на месте более ранних городских кварталов. Дата постройки неизвестна. Привлечение для датировки фрагментар-

ной надписи о восстановлении Пойки (1361\62 гг.) теоретически возможно, но тождество Пойки и цитадели пока недоказуемо. Ясно лишь, что здание построено в феодоритский период после тотального запустения городища, в пользу чего свидетельствует использование для декорирования порталов и окон цитадели немногим более ранних надгробий из местных кладбищ. Это было бы возможным лишь при допущении полной смены населения крепости.

2. Можно ли связывать цитадель с Пойкой из надписи 1361\62 гг., учитывая, что плита найдена во вторичном использовании в могиле центрального нефа (?) базилики. Боковые нефы, по мнению Н. И. Барминой, были заброшены и функционировали как кладбище уже в первой половине XV в. Данную ситуацию гипотетически надо связывать с событиями конца XIV в., описанными уже упоминавшимся Матфеем, по-видимому, видевшим руины опустевшего города вследствие его осады и захвата неизвестным противником.

3. В пользу восстановления базилики на рубеже XIV – XV вв. свидетельствует надпись на мраморной плите из кладки башни в балке Табана-дере, датированная правлением хана Тохтамыша. Отметим, что ее реконструкция В. В. Латышевым, как свидетельство восстановления башни, несостоятельна, так как восстановление имело место после 1475 г., с использованием материала из разрушенной базилики. Таким образом, базилика могла быть восстановлена на рубеже XIV – XV вв., опять же после посещения Мангупа Матфеем.

4. Датировка существующей системы крепостных стен на основании надписи с именем сотника (?) Хуйтаниса невозможна, так как следов реставрации стен, что было бы закономерно после их полного или частичного разрушения в конце XIV в. после длительной осады, пока не обнаружено. По крайней мере, информация об этом в публикациях отсутствует.

5. Столь же гипотетична и периодизация существования базилики в феодоритский период. Надпись на мраморной плите из кладки башни в Табана-дере относится, скорее всего, к базилике. В этом случае реставрация здания датируется началом XV в., судя по упоминанию в ней Тохтамыша, т. е. после посещения Мангупа Матфеем. Но в таком случае базилика функционировала и в середине XIV в., а, может быть, и ранее. Тогда конец «темного периода» в ее истории может быть датирован как минимум серединой XIV в., когда на городище наблюдаются призна-

ки оживления. Об этом свидетельствуют надпись 1361\1362 гг., а также элитарное погребение в центральном нефе базилики с сельджукским поясным набором, датируемым М. Г. Крамаровским второй половиной XIV в. Можно также предположить, что коренная реконструкция укреплений и базилики в феодоритский период производилась дважды — в 60-х гг. XIV в. и на рубеже XIV – XV вв.

6. В целом, в настоящее время, несмотря на почти столетний период раскопок Мангупа, наши знания о его истории в период княжества Феодоро остаются смутными, а интерпретации известных фактов весьма субъективна и исходит из трактовки мизерной суммы фактов. И тем не менее. Накопление археологического материала, а также появление одиночных нарративных источников, преимущественно итальянского происхождения, дает надежду на более полную и детальную реконструкцию истории княжества.

Е. Я. Туровский
(г. Севастополь)

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ НАХОДОК МОНЕТ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Монеты, на которых определяется монетный тип, и особенно те, на которых читается легенда, являются важной группой датирующего археологического материала. При этом не следует забывать, используя монеты в качестве хронологических индикаторов, что они являются весьма специфической группой археологического материала, существующей по собственным законам, и при их привлечении для датировок слоев и памятников никогда не следует забывать про эту специфику. Не претендуя на какой-то глобальный взгляд на эту сложную проблему, хочу отметить некоторые важные моменты с ней связанные.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что находки монет, с одной стороны, способны уточнить датировку памятника, а, с другой стороны, находки монет определенного сорта на некоторых памятниках способны уточнить датировки самих монет. Последнее особенно справедливо для монет, датировка которых не привязана к какому-то конкретному датированному правлению, например, для античных автономных мо-

нет. Датировки таких монет зачастую «плавают» в каталогах в рамках одного-двух столетий. Находки подобных монет на памятниках, которые существовали на протяжении 30–40 лет, значительно уточняют время их выпуска.

Другой важный момент — время нахождения монеты в обращении. Этот срок может быть весьма незначительным или напротив запредельным: от 1–2 десятилетий до нескольких столетий. Проиллюстрируем данное положение примерами из нумизматики античного Херсонеса. Первое положение представляет серия херсонесского серебра, отчеканенная в последней четверти IV в. до н. э. Старший номинал (ди-драхма) имел тип: Голова безбородого Геракла в львиной шкуре влево (в одном случае вправо) на лицевой стороне; Дева, сидящая на троне, влево на оборотной стороне. Младший номинал (драхма): Голова Геракла в шкуре вправо на лицевой стороне; Дева поражает копьем лань влево на оборотной стороне. Все эти монеты выпускались около десяти лет (известно семь магистратских имен). Все монеты уникальные, в хорошем состоянии, не имеют следов износа и надчеканок. Причины явления лежат на поверхности. К концу IV в. до н. э. монеты персидского веса повсюду в античном мире выходят из обращения. Не составляет исключения и херсонесский выпуск. Очевидно, он был изъят из обращения и использован для чеканки монет в иных системах (родосской и гераклейской).

Обратный пример — херсонесские монеты времени т. н. «второй элевтерии», отчеканенные приблизительно от 138 до 240 гг. н. э. Эти монеты продолжали оставаться в обращении еще, по крайней мере, два столетия, а некоторые и до времени императора Ираклия (610–641). В этой связи информационная ценность таких монет невелика. В то же время, учитывать их, безусловно, необходимо. Конечно, следует принимать во внимание общий контекст — какой археологический материал сопутствует монетам, с какими иностранными монетами встречаются в данном комплексе херсонесские монеты, степень их изношенности (едва ли не самый главный признак).

Когда монет много, степень точности выводов более достоверна, когда мало — менее. Проиллюстрирую неоднозначность использования монетного материала для датировок памятников. Первый пример. Позднеантичное-раннесредневековое поселение, на котором монетный материал представлен десятком экземпляров: сильно потертые херсо-

несские, боспорские и позднеримские монеты. Можно ли датировать такой памятник по монетам? Очевидно, нет. Наиболее поздние монеты могли попасть на памятник и через 200 лет после их выпуска. Другой пример. Раннехристианские склепы некрополя Херсонеса. В них находят очень много монет. Очевидно, что существовал в это время обычай (бескровная жертва?) подношения в склепы монет — стопками и по одной в погребальные и поминальные дни. Характер этих монет удивительно единообразен (за единичными исключениями) — это римская имперская медь от Константина II и Констанция II до Аркадия. Все эти монеты не имели следов износа, т. е. практически не были в обращении. Они компактно покрывают период времени приблизительно в 60–70 лет. Следует ли использовать эти монеты для датировки памятников? Безусловно, да.

В заключение, хочу еще раз подчеркнуть, что нумизматический материал следует принимать в расчет только в свете существующих археологических контекстов, учитывающих большое число факторов и обстоятельств.

А. А. Филиппенко, М. И. Тюрин, С. В. Ушаков
(г. Севастополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОГИЛЬНИКЕ ВИР (БЕЛЬБЕК III) В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Крымские памятники эпохи Великого переселения народов представлены как мощными напластованиями культурных слоев городищ, заполнений цистерн и колодцев боспорских городов на востоке, Херсонеса на западе, так и могильниками в юго-западной части полуострова. Последние имеют особое значение. Эти комплексы позволяют с большим основанием выстроить хронологию не только конкретных захоронений, но и разнообразных археологических материалов.

Один из таких могильников — некрополь ВИР (п. Вавилово). Возможно, что часть этого большого древнего кладбища раскапывала И. П. Гущина, назвав памятник Бельбек-III, датировав открытые погребальные комплексы II – III вв. В этом случае у нас нет серьезных оснований менять его наименование. С 70-х гг. XX в. разведки и небольшие археологические работы в этом районе проводятся под руководством О. Я. Савели, что нашло отражение в отчётах и сообщениях. За послед-

ние годы получена новая информация о памятнике. Среди различных типов погребальных сооружений некрополя (грунтовые могилы, каменные ящики, могилы из плит с кремациями, подбойные могилы) основными являются склепы.

В начале этого столетия нам удалось доследовать один из них и получить достаточный материал, дающий наглядный пример о сооружениях такого рода. Вещевой комплекс находок из склепа представлен амфорами, краснолаковыми кувшинами и другими сосудами (в том числе, канфаром), лепными (небольшая кружка и ваза), стеклянными изделиями, предметами из металла, бусами.

Кувшины — плоскодонные, принадлежат к одному типу, различаясь при этом размерами, пропорциями и оформлением деталей. Как представляется, они были изготовлены в херсонесских керамических мастерских. Кувшины такого типа несколько реже встречаются, чем сосуды на кольцевом поддоне. Распространены такие сосуды, прежде всего, в Юго-Западном Крыму — в Херсонесе, могильниках Озерное III, Дружное, Черноречье. Аналогии известны в Восточном Средиземноморье, где они датируются IV — началом V вв.

Немногочисленный, но достаточно выразительный материал из склепа позволяет сделать следующие выводы.

1. По общему облику он весьма напоминает керамику из варварских погребений Крыма эпохи Великого переселения народов и должен быть поставлен в один типологический ряд с ними.

2. Хронологические рамки комплексов укладываются в пределы середины / конца IV — начала V вв.

3. Конструкции склепов и лепная керамика позволяет отнести данный памятник и участок могильника к группе памятников типа Озерное-Инкерман.

В. С. Флёров
(г. Москва)

ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ: КЕРАМИЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КРЕПОСТЕЙ НИЖНЕГО ДОНА

К началу XXI в. на Нижнем Дону исследовались три крепости с керамическими строительными материалами (далее — КСМ).

Семикаракорская — из сырцового кирпича с использованием обожжённого, внутри строения из обожженного кирпича, крытые черепицей.

Саркел (Левобережное Цимлянское городище) — сооружен из обожженного кирпича, находки черепицы единичны.

Правобережная Цимлянская — белокаменная; использовались сырцовый кирпич, обожженный кирпич из Саркела, красно-желтая черепица, сероглиняные с лощением кирпичи и калиптеры, красно-желтая плитка.

Рядом с Правобережной Цимлянской находится ещё одна белокаменная крепость — Камышинская. Использование в ней КСТ остаётся под вопросом ввиду малой исследованности. Ниже приведены только основные данные о КСМ перечисленных памятников.

Кирпичи сырцовые. Массовое применение на *Семикаракорском* городище. Квадратные высококачественные, преобладающие размеры 26–25 : 26–25 : 5–4 см, а также полуформатные от них. Исключение 30 : 30 : ?. В *Саркеле* сырцовые кирпичи не отмечены. На *Правобережном Цимлянском* 40 : 20 : 10–8 | 37–35 : 36–35 : 9–6,5 см и полуформатные 36 : 18–17 : 9 : 8 см.

Обожжённые кирпичи. Массовое использование только в *Саркеле*. Наиболее распространённые 27 : 27 : 7 | 24 : 24 : 5 см. и полуформатные от них. Прочие многообразны: от 34 : 34 до 15 : 14. *Семикаракоры*: преобладают от 28 : 28(?) : 6,5 до 24 : 23 : 4,5 и полуформатные от них. Реже от 23,5 : 23,5 : 5,5 до 22 : 21 : 4 см и полуформатные от них. Один кирпич трапециевидный. Кирпичи *Правобережного Цимлянского* происходят из Саркела. Особый «Правобережный» кирпич толщиной 4 см, упоминаемый М. И. Артамоновым, выделить не удалось.

Черепица. На *Семикаракорях* распространены керамида, длиной 49, шириной 34 см и плавно изогнутые калиптеры. Типологически близкие на *Правобережном Цимлянском*. В *Саркеле* около 30 фрагментов круто изогнутых калиптеров шириною около 7 см и керамид(?) с плавными изгибами. Прототипы не ясны.

Керамическая плитка со средними размерами 22 : 11 : 2,5 см известна только на *Правобережном Цимлянском* городище. Предполагаются аналогии в Фанагории.

Сероглиняные кирпичи и калиптеры с лощением — фрагменты местных уникамов *Правобережного городища*.

Не исключено открытие в бассейне Нижнего Дона новых поселений и городищ с ещё неизвестными типами КСМ.

Э. А. Хайретдинова
(г. Симферополь)

СЕРЬГИ V – VII вв. С МНОГОГРАННИКОМ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В V – VII вв. серьги с многогранником были самым популярным типом украшения у жительниц Юго-Западного Крыма. По способу изготовления многогранника и его крепления к кольцу серьги можно объединить в шесть типов. В V – VII вв. бытовали серебряные и бронзовые серьги типа 1 с прикрепленным к одному из концов проволочного кольца литым многогранником. Серьги первой половины V в. имеют небольшой диаметр кольца и маленький полиэдр. Некоторые серьги декорированы. Размеры серег из комплексов VI – первой половины VII вв. увеличиваются, а многогранник становится массивнее. У самой поздней разновидности этого украшения, относящейся ко второй половине VII в., диаметр кольца достигает 4,5–5,0 см, а вместо кубической бусины припаян массивный, вытянутый параллелограмм, украшенный гнездами со стеклянными вставками.

Серьги типа 2 конца VI – VII вв. сделаны с литым многогранником, насаженным на проволочное кольцо с замком в виде кольца и петельки. Некоторые из них украшены напаянными на боковые грани цилиндрическими гнездами со стеклянными вставками.

У серег типа 3 второй половины VI в. литой ажурный многогранник прикреплен к одному из концов проволочного кольца. Серьги типа 4 VI – первой половины VII вв. также сделаны с ажурным многогранником, однако он насажен на проволочное кольцо. Ромбические грани заполненного пастой многогранника инкрустированы красными стеклянными вставками.

Бронзовые серьги с полым, пластинчатым многогранником второй половины VI – первой половины VII вв. выделены в тип 5. Внутри у некоторых из них сохранились остатки сухой травы или фрагменты ниток. Все серьги украшены полусферическими стеклянными вставками в

цилиндрических гнездах. У серег типа 6 второй половины VII в литой бронзовый многогранник, насаженный на проволочное кольцо обтянут бронзовой пластиной и украшен стеклянными вставками в цилиндрических гнездах.

Золотые серьги второй половины VI – VII вв. с полым многогранником из фольги или тонкой пластины, заполненным пастой светло-желтого цвета отнесены к типу 7. По размерам и форме многогранника серьги этого типа разделены на три варианта. Во второй половине VI в. серьги делали с многогранником в виде куба. Вначале VII в. размеры многогранника увеличились, и изменилась форма. Самые поздние экземпляры имеют большой диаметр кольца и многогранник в форме параллелепипеда. Изменилось и качество используемого материала: ранние серьги сделаны из золота 833°, 900° и 958° пробы; у поздних экземпляров проба металла ниже — 750° и 833°. У некоторых золотых серег кольца сделаны из металла более низкой пробы (750°), чем многогранник (833° и 900°). Ранние золотые серьги подварианта 3-1 встречаются и в поздних комплексах, тогда как серьги подварианта 3-3 не известны в комплексах ранее второй четверти VII в.

Серьги с литыми многогранниками появились на рубеже IV – V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае и распространились у оседлых народов гуннского государства. В эпоху Великого переселения народов они массово встречаются от Испании до Дагестана. По наблюдению Ф. Бирбрауера, серьги с ажурным, инкрустированным многогранником характерны для богатых варварских могил V – VI вв. из Подунавья и Италии. В Юго-Западном Крыму серьги с ажурным многогранником не имели широкого распространения. В Юго-Западном Крыму начиная с середины VI в. ювелиры производили серьги золотые и бронзовые серьги с полым многогранником. Отметим, что подобные серьги известны на памятниках VI – VII вв. из Северной Сирии и Малой Азии. Золотые серьги типа 7 найдены только в погребениях женщин с большими пряжками. Серьги остальных типов присутствуют в захоронениях и женщин, и девочек.

Л. Г. Хрушкова
(г. Москва)

**ОБ ОДНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОЕКТЕ:
БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
ХРИСТИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

В октябре 2012 г. в Германии в издательстве «Schnell und Steiner», выходит двухтомный «Биографический словарь христианской археологии. Исследователи и личности от XVI до XXI века» (St. Heid, M. Denert (Hg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert.* 2 Bände. Regensburg, 2012. Подробнее см.: http://www.schnell-und-steiner.de/artikel_7696.ahtml). Это первое энциклопедическое издание в области христианской и византийской археологии и истории искусства, над которым в течение нескольких лет работала международная группа в составе 166 исследователей. Словарь включает биографии и библиографию свыше 1500 лиц, из них 700 с портретами. Среди лиц, представленных в Словаре, есть и выдающиеся ученые, и личности менее известные, и почти забытые. Словарь охватывает период с XVI по XXI вв., географически — территорию более 30 стран Европы, Азии, Северной Африки и Северной Америки. В нем впервые широко представлены страны Центральной и Восточной Европы: Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Болгария, Украина, Россия. В этом издании термин «археология» употребляется в самом широком смысле слова. В нем присутствуют историки и филологи, археологи-классики и эпиграфисты, ориенталисты и византинисты, искусствоведы и музейные работники, реставраторы и архитекторы.

В данном проекте Россию представляют два учреждения — Московский государственный университет им. В. М. Ломоносова и Санкт-Петербургский Институт истории материальной культуры, Украину — Национальный Херсонесский музей-заповедник. Статью об основателе последнего, К. К. Косцюшко-Валюжиниче, написала Л. О. Гриненко. В Словаре публикуется свыше 70 статей о русских и украинских исследователях, в том числе о тех, чья жизнь и работа были связаны с Крымом, Херсонесом, Киевом, Харьковом — Д. И. Айналов,

А. В. Банк, Г. Д. Белов, А. Д. Бертъе-Делагард, О. И. Домбровский, В. Ф. Гайдукевич, В. М. Зубарь, Н. П. Кондаков, К. К. Косцюшко-Валюжинич, Ю. А. Кулаковский, В. В. Латышев, Р. Х. Лепер, Е. К. Редин, Н. И. Репников, М. И. Ростовцев, М. А. Тиханова, Ф. И. Шмит, А. Л. Якобсон и др.

Подготовка к печати Биографического Словаря христианской археологии сопровождается публикацией докладов, которые были зачитаны на двух конференциях, состоявшихся в Риме в 2009 г. и 2011 годах (см.: *Хрушкова Л. Г.* Международный симпозиум «История христианской археологии». Рим, 2009 // *Византийский Временник*. 2011. Т. 70. С. 317–318). Обобщающий очерк «История христианской археологии в России и на Украине с XVIII по XX вв.» будет опубликован в нескольких номерах журнала «*Römische Quartalschrift*» (*Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge)* // *Römische Quartalschrift*. 2011. 106, 2. S. 229–252, продолжение следует). Несомненно, в нем найдут отражение новейшие достижения крымских археологов, изучающих позднюю античность и средневековье.

Возможно, Крым мог бы стать регионом нового развития историографических изысканий. Здесь уже существует большой опыт в этой сфере. Крымский Энциклопедический просопографический словарь позднеантичной, христианской и византийской археологии стал бы очень полезным и востребованным изданием. В наше время, когда широкий поток публикаций возрастает с необычайной интенсивностью, которая восхищает и озадачивает одновременно, особое значение приобретают те инструменты, которые предлагают читателю обширную информацию в компактном и удобном для использования виде. Легко представить себе, что различные формы такого издания (электронная, англоязычная) пользовались бы большой популярностью во всем мире.

В. Н. Чаидзе
(г. Москва)

НУМИЗМАТИКА ТМУТАРАКАНИ XI в.

В настоящее время, после ряда последних исследований и открытия новых материалов, можно наметить основные этапы монетного дела Тмутаракани.

Со временем продолжительного пребывания в Тмутаракани князя Мстислава Владимировича (988–1023) связано начало чеканки монеты — подражаний византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII. Для данных монет установлено постепенное искажение прототипа — византийского милиарисия, по степени деградации: самая ранняя группа подражаний изготовлена из серебра, в дальнейшем появляются биллоновые монеты худшей чеканки, последняя стадия — изготовление медных и железных монет. Вероятная граница окончания выпуска — третья четверть XI в. Таким образом, указанные монеты первоначально являлись основным средством денежного обращения Тмутаракани, а затем выполняли функцию мелкой разменной монеты.

Самоличное правление князя Ростислава Владимировича в Тмутаракани (1065–1066) знаменуется вероятной чеканкой серебряных подражаний византийскому $\frac{2}{3}$ милиарисию Константина X Дуки.

При Романе Святославиче (до 1079 г.) в Тмутаракани выпускаются именные биллоновые брактеаты. Их прототипом является печать этого же князя.

Ратибору — единственному известному по имени посаднику не княжеского происхождения (1079–1081) — принадлежит значительное количество печатей с надписью «От Ратибора», имеющих широкое распространение на территории Древней Руси. По образу печатей чеканились монеты Ратибора из биллона и серебра. По-видимому, чеканка монеты была вызвана нехваткой денежных знаков в Тмутаракани.

В 80-е гг. XI в. в Тмутаракани начинается чеканка серебряных монет с изображением небесного покровителя князя Олега Святославича (1083–1094) — архангела Михаила. Прототипом этого чекана являлись монеты императора Михаила VII Дуки, а также печати Романа Святославича. По весовым нормам, монеты близки имперским стандартам — это еще одно свидетельство того, что в правление Олега в Тмутаракани город находился в вассальном подчинении Византии. Одновременно здесь известны и медные монеты с греческой надписью, которые могли выполнять функцию церемониальных раздач.

А. В. Шаманаев
(г. Екатеринбург)

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ

ПАМЯТНИКОВ МАНГУПА В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

«Пещерные города» представляют собой один из интереснейших типов археологических памятников Крыма. Особое место среди них занимает городище Мангуп. Однако, мало изученными остаются вопросы истории охраны этих памятников в XIX – начале XX вв.

Путешественники XVIII – первой четверти XIX в. при описании памятников Крыма, в том числе Мангупа, периодически фиксировали случаи их разрушения. Состояние крымских древностей в начале XIX в. привело к разработке указа 1822 г. Под действие этого акта попали «красивые и огромные развалины крепости Мангуп», как объект, который следовало защитить от дальнейшего разрушения. Для проведения работ на Мангупе предусматривалось государственное финансирование (500–600 руб.). Однако работы не были выполнены.

Таврический губернатор Н. И. Перовский в 1822 г. начал собирать сведения о состоянии памятников древности. Позже он поручил сделать подробные описания, рисунки и подготовить сметы на проведение работ на ряде памятников, в том числе Мангупе, а также разработать проект мер по сохранению древностей. К сожалению, эти задачи не были реализованы.

Н. Н. Мурзакевич в 1836 г., обратил внимание на роль природных процессов, влиявших на состояние архитектурных объектов Крыма. В 1844 г. И. Г. Ильин произвел обследование состояния памятников полуострова. Он засвидетельствовал разрушение кладок оборонительных сооружений и построек для получения строительных материалов.

В конце XIX – начале XX вв. «пещерные города» оказались в сфере внимания Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). В 1890 г. по поручению Императорской Археологической комиссии (ИАК) А. Х. Стевен и А. И. Маркевич совершили инспекционную поездку на Мангуп и предложили ряд мер по сохранению древностей городища.

В 1911 г. после обследования Мангупа и других памятников А. И. Маркевич разработал программу по сохранению этих объектов. Особенное беспокойство он проявил по отношению к древностям

Мангупа, что было связано со сменой владельца и систематическим расхищением остатков построек местным населением.

Таким образом, длительное время исследователи в основном ограничивались фиксацией разрушений мангупских древностей. Только с конца XIX в. началась разработка планов комплексных мер по охране Мангупа и других «пещерных городов». Однако ИАК и ТУАК не обладали средствами для проведения масштабных консервационно-реставрационных работ.

А. С. Щавелев
(г. Москва)

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ-ГАРАНТОВ

КЛЯТВЫ В БИТВАХ

(Proc. ВР. I. IV-9; ПВЛ, 6605; Georg. Acrop., I, 25)

В средневековых источниках нами найдено три примера «психологической борьбы» — демонстрации своим противникам предмета-гаранта нарушенной клятвы. Такая демонстрация должна была лишней раз наглядно продемонстрировать факт клятвопреступления и посеять сомнения и страх в умах воинов врага.

Первый эпизод содержится в «Воине с персами» Прокопия Кесарийского. Это битва при Герате 484 г. между войском персидского царя Пероза (Фируза) I и гуннами-эфталитами («белые гунны», народ «хион»). Перед битвой царь гуннов-эфталитов Ахшунвар *повесил у верхушки своего знамени соль*, на которой Пероз клялся соблюдать мир. В битве персы были разбиты, а сам Пероз погиб. Характерно, что согласно восточным источникам Пероз пытался все же формально исполнить клятву. Он велел передвигать перед собой на повозке пограничный камень, маркировавший границу, которую он поклялся не пересекать.

Второй эпизод описан в древнерусской «Повести временных лет», во вставном рассказе об ослеплении Василька Теребовльского. В 1099 г. киевский князь Святополк Изяславич напал на князей Володаря и Василька Ростиславичей. Ранее Святополк был инициатором ослепления Василька. Перед битвой на Рожне Василько *поднял крест* и сказал: «Сего еси целоваль... Да буди межи нами крестъ съ». Во время боя «... мнози челоуеци благовернии видеша крестъ над Василковы вои

възвышья велми». Эту фразу можно трактовать либо как некий литературный топос о видении креста в небе, а можно предположить демонстрацию реального предмета, на котором Святополк принес присягу соблюдать мир. Василько и Володар победили, Святополк бежал.

Третий случай находим в «Истории» Георгия Акрополита — битва при Клокотнице 9 марта 1230 г., в которой болгарский царь Иван Асень II победил правителя Эпира Федора Ангела Комнина Дуку. Иван Асень II перед боем *вывесил на своем знамени грамоту* («письменную клятву») *о заключении мира*, которую подписал Федор. Болгарское войско одержало победу, а клятвопреступник Федор был взят в плен.

От языческого периода до времени развитого христианства артефакты, символически закрепляющие клятву — соль, крест, грамота, а также, скорее всего, и другие (предметы вооружения, иконы, священные книги), считались не только священными символами, но и своеобразными магическими предметами.

В. Ю. Юрочкин, Н. С. Емельянова
(г. Симферополь)

«ИНКЕРМАНСКОЕ ДЕЛО» Е. В. ВЕЙМАРНА: «СЛАВЯНСКИЙ СЛЕД»

В своих воспоминаниях Е. В. Веймарн указывал на уголовное дело, возбужденное против него в конце 1952 г. по факту финансовых нарушений в Инкерманской археологической экспедиции 1948 и 1950 гг. Он считал причастными к этой истории П. Н. Надинского и «коалицию» из коллег по Отделу истории и археологии (ОИА) Крымского филиала АН СССР, недовольных его отказом поддержать квазинаучную концепцию о происхождении славян от крымских скифов. Это тем более любопытно, поскольку незадолго до этого журнал «Вопросы истории» опубликовал статью Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого «К вопросу о славянах в Крыму».

Ситуацию вокруг «Инкерманского дела» и ход острой дискуссии по крымско-славянскому вопросу позволяют реконструировать документы научного архива КФ ИА НАН Украины, а также личные архивы Е. В. Веймарна и П. Н. Шульца.

На суде в июне 1953 г. Е. В. Веймарн и его заместитель по экспедиции Э. А. Дубинская (бывший директор Музея пещерных городов) были

признаны виновными, но по «бериевской» амнистии освобождены от наказания. Протоколы заседаний ОИА, состоявшихся в период следствия, позволяют определить состав «антивеймарновской коалиции». В нее, помимо П. Н. Надинского, входили историки А. И. Неделин, В. В. Гузенко, их позицию поддержал художник-реставратор О. И. Домбровский. Однако сам руководитель ОИА П. Н. Шульц, несмотря на сложные взаимоотношения с Е. В. Веймарном, встал на его защиту.

В чем же причины данной конфликтной ситуации, в результате которой Е. В. Веймарн чуть не оказался за решеткой? Основной задачей Тавро-скифской экспедиции, а затем ОИА КФ АН СССР в эти годы являлось «научное» обоснование политического тезиса «Крым — исконно русская земля». До 1950 г. эта проблема разрешалась под руководством П. Н. Шульца в рамках автохтонной концепции, близкой учению Н. Я. Марра. Доказывалось, что в этногенезе славян важную роль играли скифы, притом не только в Поднепровье, но и в Крыму. Идейным вдохновителем и популяризатором этих взглядов был историк-дилетант, бывший партийный функционер П. Н. Надинский. После осуждения Сталиным учения Марра ситуация резко изменилась при том, что задача осталась прежней. Тот, кому удалось бы решить славянский вопрос вне рамок «марризма», фактически становился лидером крымской историко-археологической науки.

При раскопках Инкерманской экспедиции 1948 и 1950 г. (Инкерманский и Чернореченский могильники) под руководством Е. В. Веймарна с участием С. Ф. Стржелецкого и др. были обнаружены кремационные захоронения и черняховская керамика. Поскольку черняховская культура в то время однозначно считалась славянской, С. Ф. Стржелецкий и Е. В. Веймарн предложили рассматривать данные находки как первые надежные свидетельства проникновения славян в Крым около середины III в. Тем самым в крымской науке обозначился переход от автохтонной парадигмы к миграционной.

Однако новация, предложенная учеными, приобрела несколько иную окраску в связи с критикой «марристских» взглядов П. Н. Шульца и П. Н. Надинского. Вероятно, ее инициатором был С. Ф. Стржелецкий, который считал П. Н. Шульца виновным в своем увольнении с поста заместителя директора Херсонесского музея. Попытка обсуждения работы о славянах-мигрантах, сопряженная с критикой руководства ОИА, привела к конфликтной ситуации. С. Ф. Стржелецкий и

Е. В. Веймарн планировали издать свою статью в журнале «Вопросы истории», поскольку его редактор П. Н. Третьяков был противником автохтонной скифо-славянской концепции Шульца-Надинского. Объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР (май 1952 г.) фактически поддержала гипотезу о славянах-мигрантах середины III в, подвергнув критике взгляды П. Н. Надинского, изложенные в «Очерках по истории Крыма». Осенью того же года Инкерманской экспедицией были проведены раскопки могильника у высоты «Сахарная Головка». Еще до публикации Е. В. Веймарн причислил некрополь к памятникам раннесредневековых славян. Лидерство Е. В. Веймарна в изучении славянского вопроса становилось бесспорным, при явном ослаблении позиций П. Н. Шульца и П. Н. Надинского.

Но к концу года началось расследование «Инкерманского дела». В начале 1953 г. Президиум КФ АН СССР не без участия П. Н. Надинского принял решение об увольнении Е. В. Веймарна с работы. Стремления участников «антивеймарновской коалиции» очевидны — не допустить потери контроля над ключевой «славянской» темой. Что же касается позиции О. И. Домбровского, то она, как представляется, была обусловлена его личной негативной реакцией на некорректную критику П. Н. Шульца со стороны Е. В. Веймарна, а в особенности — С. Ф. Стржелецкого. В итоге противникам Е. В. Веймарна не удалось достигнуть своих целей: суд амнистировал Евгения Владимировича, а Президиум отменил свое решение. В этом немалую роль сыграла позиция П. Н. Шульца, фактически ставшего на защиту своего подчиненного и оппонента. После этого между двумя лидерами крымской археологии вновь восстанавливались теплые доверительные отношения.

История с «Инкерманским делом» характеризует сложную и противоречивую обстановку в крымской науке начала 50-х гг. XX в. показывая, что дискуссии были часто сопряжены с политико-идеологической конъюнктурой и межличностными взаимоотношениями между учеными.

Научное издание

I
Бахчисарайские научные чтения
памяти Е. В. Веймарна

Международная научная конференция

Тезисы докладов и сообщений
(на русском языке)

Редактор-составитель Науменко В. Е.
Компьютерная верстка Прокопенко Б. Т.

Подписано в печать 21.08.2012.
Формат 60/84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 100 Экз. Объем 3,8 уч. печ. л. Заказ №

Отпечатано в ЧП «Предприятие «Феникс»
96500, г. Саки, ул. Тимирязевская, 8. Тел. 51-21-23